

Интервью с Нелли Александровной РОМАНОВИЧ

«...А КОГДА ПООБЕЩАЛА, ТО УЖЕ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕ БЫЛО»

Романович Н. А. — окончила санитарно-технический факультет факультет Воронежского инженерно-строительного института, доктор социологических наук (2010 г.). Генеральный директор Воронежского Института общественного мнения «Квалитас».

Основные области исследования: Социология власти, социология общественного мнения, теория и методология социологических исследований, социология молодежи, социология науки и техники, теория социального государства. Интервью состоялось: апрель-ноябрь 2014 г.

... все начиналось как в кино. Конец 1970-х. Воронежская старшеклассница хотела стать врачом. У нее складывались романтические отношения с одноклассником, но по просьбе другой девушки она отказалась от них, и чтобы не мучиться, решила после окончания школы уехать в другой город. Выбрала Курск, так как ей нравились там балконы, выкрашенные в голубой цвет. Решила вместе с подругой поступать в Политехнический институт, ибо им очень приглянулся большой яблоневый сад вокруг него. Героиня фильма закончила школу с медалью, у ее подруги в аттестате был высокий средний балл, так что поступление в институт им было почти гарантировано. Факультет они выбирали из тех соображений, чтобы меньше сдавать экзаменов и успеть до начала учебы съездить к морю в Дагомыс, где у подруги жили родственники. Поступили, решили жить на стипендию, не прося денег у родителей. Их бюджет, за вычетом денег за квартиру, куда они переехали после того, как их обокрали в общежитии, позволял им тратить не больше 15 копеек в день на каждую. Учились они хорошо, нужна была стипендия, но без особого интереса. И все изменилось, когда им начали читать философию. Они решили стать философами.

Опущу подробности — они в интервью. В 1982 году они получили дипломы по специальности «теплогазоснабжение и вентиляция» и стали работать инженерами-проектировщиками. Однако своей мечте они не изменили. Подруга стала доктором философских наук и является проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

А героиня этой истории — Нелли Александровна Романович, известный в стране полстер, доктор социологических наук, Генеральный создатель и руководитель Воронежского Института общественного мнения «Квалитас» - ведущей независимой исследовательской организации Центрально-Черноземном региона России.

Интервью с Нелли, которую я знаю с ее первых шагов в социологическую науку, это интересный, откровенный разговор с первоклассным специалистом, прекрасным организатором и сильной, умной личностью. Свои достижения — по-моему, весьма значимые — она объясняет так: «Лишь бы была цель и была решимость. Это необходимое и достаточное условие. Собственно, наличие цели есть необходимое условие для жизни человека вообще. Без цели человек рассыпается, разлагается...»

Романович Н. А.: «А когда пообещала, то уже обратной дороги не было»

Нелли, по моим воспоминаниям, мы знакомы с начала 1990-х, подумать только, два десятилетия... и о них поговорим, но начнем с чуть более отдаленных времен... В Вашем поколении имя Нелли — не самое распространенное, но в поколении Ваших бабушек — нередкое... Вас назвали в честь кого-либо из родных, друзей родителей или просто понравилось имя? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, чем дальше, тем лучше...

Нелли — такое имя мне дал отец. Я пыталась у мамы выяснить, в чем дело. Но безуспешно. У меня осталось смутное подозрение, что это — в честь первой папиной любви. Тем более, что он сам мне рассказывал, как однажды, когда он опаздывал на свидание, он просто ушел с экзамена (он учился в Ростовском Институте Сельскохозяйственного Машиностроения). Билет он знал, но перед ним собралась очередь из желающих отвечать, и он понял, что опаздывает. Тогда просто положил билет на стол преподавателю и вышел, сказав, что пересдаст позже. Потом, вспоминая это, он вывел свой вердикт: «Любовь — это болезнь».

Называя свое имя при знакомстве, с самого детства я всегда читала в глазах собеседника немой вопрос и чувствовала, что надо что-то объяснить. И я придумала. Рассказывала подругам, что родители выбирали мне имя из словаря (у нас дома был орфографический словарь с перечнем разнообразных имен в конце) и остановились на имени Нелли, потому что рядом с ним было написано (не склон.), т.е. не склоняется. А все остальные имена склонялись. Вот они и решили дать дочери уникальное, не склоняющееся имя. Позже я сама почти поверила в это объяснение.

Когда отцу было три года, его вместе с родителями, братьями и сестрами сослали из Ростовской области (поселок Морозовка, а сегодня город Морозовск) в Сибирь. Отец (Александр) был младший из двенадцати детей Анны и Митрофана Горобцовых (моих бабушки и дедушки). Из двенадцати выжили только шесть. Их сослали куда-то под Пермь (в районе г.Серова), поезд остановился в лесостепи, ни кола, ни двора, высадили и сказали — живите, если сможете. Дед Максим недолго сидел-горевал, слушал, как плачут голодные дети, а встал и пошел к людям, стал спрашивать: чем помочь, что надо сделать. Стал на все руки мастер, а ему — кто сухарь, кто картошку, кто тарелку каши. Вот как-то так и выжили. Дед Максим, как я его помню, умел делать все: и кашу варить, и сапоги тачать. И обслуживал себя сам до самой смерти. Семью деда «раскулачили», потому что у него была мельница и наемные рабочие. Когда началась революция, ему добрые люди говорили — уезжай из страны, поехали вместе. Но он в ответ: «Куда я поеду, если моя мельница мне каждый день шапку золота приносит!». Бабушка рассказывала, что она вставала рано, часа в четыре утра, чтобы приготовить всем рабочим еду. Запомнился её рассказ о том, как один из рабочих кинул в неё ложкой за то, что она ему сметану в борщ забыла положить. Вообще из рассказов бабушки и дедушки у меня вырисовывалась картина, совершенно не похожая на стандартную картину взаимоотношений эксплуататоров

и эксплуатируемых, которая была прописана в школьных учебниках советских времен. Уникальность бабушки Ани была в том, что, скитаясь после ссылки по коммунальным квартирам с общей кухней, она умудрялась ни с кем из соседей не поссориться, а соперники приходили к ней за советом, хотя у неё не было даже начального образования, а вместо подписи она ставила крестик.

В ссылке каждый член семьи трудился, чтобы выжить, и пятилетний отец пас коров. Он уже стал моим отцом, а во сне все переживал, как бы корова не ушла в рожь и не свалилась в овраг. Отец работал начальником конструкторского бюро на Воронежском машиностроительном заводе им. Ленина, имел пять патентов как изобретатель новых сельскохозяйственных машин, несколько раз ему выдавали государственную премию за это. Две последние помню — две тысячи рублей и десять тысяч рублей. В СССР в 60–80 годы, когда за тысячу рублей можно было купить машину, это были очень большие деньги. Отец не переставал что-то изобретать не только для работы, но и для быта. У нас дома на балконе третьего этажа он установил «сюрприз для воров» — даже если бы форточка или балконная дверь была приоткрыта, проникнуть бы вор не смог: механизм срабатывал так, что без знания «секретной кнопочки», вход был бы заблокирован. У двери в подвале тоже был секрет, поэтому не могу войти туда до сих пор. Забыла спросить у папы, а его уже десять лет как нет. Последнее его изобретение — балерина из фольги, которая, как вечный двигатель, постоянно кружилась под действием теплого воздуха, исходящего от горячей батареи. Оказавшись в 76 лет обездвиженным, он развлекался тем, что решал в уме логарифмические уравнения.

Мама работала учителем математики в школе, она любила работать в старших классах и говорила мне, что со старшеклассниками интереснее: умеют слушать и задавать неординарные вопросы. Но ближе к пенсии призналась мне, что дело было не только в этом. А дело в том, что она была необыкновенная красавица и среди старшеклассников неизменно стяжала лавры всеобщего восхищения. Когда я была подростком, знакомые, переведя взгляд с мамы на меня, пытались меня утешить: «Конечно, не в маму, но ничего, может быть, вырастешь умной, как папа». Тогда я начинала понимать, что перспектива стать умной — это для меня единственная возможность оправдать благие ожидания. Поэтому окончила школу с золотой медалью.

Мамин отец (Степан) пропал без вести во время Великой Отечественной войны и бабушка Мария Попова одна поднимала на ноги мою маму Нину и её брата. В детстве я на все лето приезжала к бабушке Маше в деревню Фащевка Липецкой области, где она сначала работала в колхозе, а потом получала двенадцать рублей пенсии (это после прибавки, а до этого колхоз платил ей три или четыре рубля — точно не помню). Как-то она вернулась из магазина и не досчиталась 90 копеек, начала горько навзрыд причитать: «Батюшки мои, девяносто копеек!». Нам с двоюродной сестренкой было смешно, что она так убивается об этой мелочи. Мы были сознательные пионерки и, ворочая в колхозе сено, говорили: «Бабушка, это мы тебе помогаем, потому что все вокруг колхозное, а значит все вокруг — твое». Бабушка нас не останавливала, но ворчала: «Лучше бы в огороде помогли». В школе нас учили, что советская власть дала землю крестьянам. Мы спрашивали у бабушки: «А сколько земли тебе дала советская власть после революции?». Она отвечала: «Не дала, а отобрала. Вот эта вся земля наша

была до самого изгуменья». Изгуменья — так на местном диалекте называлась дорога за посадками, после которой начиналось колхозное поле (в отличие от «планта» — дороги вдоль деревенских домов). Бабушкин ответ никак не состыковывался со школьными учебниками, что меня очень удивляло.

Чем Вам запомнились школьные годы? Какие предметы интрересовали Вас в старших классах? Увлекала ли Вас общественная работа?

В школьные годы моя любимая учительница по русскому языку и литературе говорила обо мне моей маме: «Она у вас гуманитарий». Но это было время (1967–1977 гг.), когда в нашей стране было в почете инженерно-техническое образование. Страна была в эйфории от собственных научно-технических достижений, особенно в освоении космического пространства. Каждый второй мальчишка хотел стать космонавтом. Гуманитарное образование не то чтобы было в пренебрежении, просто считалось образованием второго сорта. В споре «физиков» и «лириков» приоритетные аргументы были всегда на стороне «физиков». А вот до революции в царской России, по свидетельству историков, в приоритете было гуманитарное образование. И по результатам наших опросов, в настоящее время гуманитарное образование снова держит верх над техническим в предпочтениях школьников и студентов. Получается чередование: до революции — гуманитарное, в советское время — техническое, в постсоветское — гуманитарное... Если это маятник, то вскоре, видимо, он должен качнуться в сторону технических наук...

Не помню, чтобы я занималась общественной работой в школе. Единственное, что помню, как ни праздник, особенно в младших классах, меня предупреждают: «Будешь читать стихотворение». Это означало, что я должна была сочинить к празднику стихотворение собственного сочинения. Они были маленькие, эти стишки, лепила я их легко (что-то про апрель, про Ленина, про майскую демонстрацию), но не знаю, можно ли назвать это общественной работой.

Моим любимым предметом в старших классах было обществоведение. Видимо, не случайно. Слово социология тогда было под запретом, но азы науки об обществе в той или иной форме изучались подрастающим поколением. Меня очень впечатлило, что в общественной жизни существуют какие-то законы, которые желательно знать, чтобы не «сбиться с пути». Правда, в школьных учебниках того времени эти законы излагались, в основном, в трактовке Маркса и Энгельса, адаптированных к возрасту учащихся. Но само знание, что в обществе действуют законы, было открытием.

Тем не менее, два последних года учебы (девятый и десятый классы) я ходила на лекции в медицинский институт, где на наших глазах резали трупы и демонстрировали темную и дырявую печень курильщиков и алкоголиков. Хотела поступать в медицинский, медицинское образование тоже было в фаворе. Но не случилось. У меня начались было романтические отношения с одноклассником, но вскоре ко мне пришла девушка, с которой он в это время ещё дружил, и попросила меня не отбивать его, говорила, как ей будет плохо и одиноко, и я в процессе душевного разговора пообещала ей этого не делать. И тогда, выполняя обещание, чтобы отрубить разом все концы, я решила уехать из родного Воронежа в другой город и там поступить в институт. У меня была близкая

подруга, у которой тоже в это время был кризис в романтических отношениях, и мы решили поехать вместе. Выбрали Курск, потому что рядом и потому, что там жила моя двоюродная сестра, а когда я однажды ездила к ней, меня приятно поразило, что в этом городе балконы были выкрашены синей краской. Это поманило как «синяя птица удачи». Выглядел мой разговор с подругой примерно так: «Поедем поступать в Курск! Знаешь, как там здорово! Там синие балконы!». Аргумент оказался решающим. Она согласилась. И на следующий день мы уже ехали в Курск подавать документы в тамошний Политехнический институт, пока ещё не зная, на какой факультет. Родители подруги при разговоре не присутствовали, они уехали на неделю на дачу, будучи уверенными, что их дочь собирается поступать в воронежский вуз. А когда вернулись, мы уже были абитуриентами Курского Политехнического института. Сегодня все это выглядит смешным и глупым. А тогда мы сами себе казались взрослыми и решительными.

На какой же Вы, Нелли, поступили факультет и как долго Вы там проучились?

Выбор института и факультета был не менее «разумным» и «обоснованным», чем выбор города. За стенами Политехнического института в Курске раскинулся большой яблоневый сад, и это оказалось весомым плюсом в его пользу. А факультет мы выбирали из тех соображений, чтобы меньше сдавать экзаменов и успеть до начала учебы съездить к морю в Дагомыс (под Сочи), где у подруги жили родственники. Тогда в стране на некоторых факультетах ввели новшество: медалистам разрешили сдавать только один экзамен, а тем абитуриентам, у кого аттестат оценивался в «4,5» балла, можно ограничиться двумя экзаменами. Там был такой факультет, на который можно было поступить, сдав только один или два экзамена — он назывался «строительным». У меня — медаль, у подруги — «4,5» балла аттестат, экзамены мы сдали быстро на специальность: «Теплоснабжение и вентиляция» (название другой специальности было что-то про канализацию, и мы остановились на более благородном названии, на наш взгляд). Позже, когда мы переведемся в Воронежский инженерно-строительный институт, наш факультет будет называться «сантехническим», что будет нас слегка конфузить.

Курский Политехнический институт был сравнительно молодым — ему к нашему приезду было чуть больше десяти лет. У него было роскошное по тем временам, только что отстроенное студенческое общежитие, спроектированное по южному типу, то есть все первые этажи имели большие лоджии, на которые можно было просто запрыгнуть с улицы. Поэтому вахта была в некоторой степени условностью. После экзаменов мы, закрыв свои вещи в комнате студенческого общежития, уехали к морю. А когда вернулись к началу учебы, то не нашли во взломанной комнате даже казенных матрасов, за которые нам пришлось заплатить в администрацию общежития. Так мы начали свою взрослую жизнь. Надо сказать, что желанная свобода не показалась нам особенно сладкой. Помню ощущение некоторого удивления, что в отсутствие родителей никому нет дела до того, что я ем, когда я ем и ем ли вообще. Никто не интересуется, когда и где я буду ночевать, и буду ли вообще где-то ночевать. Свобода пахнула неожиданным холодом. Пришло понимание: чем меньше вокруг людей, которые тебя любят и заботятся, тем больше свободы. Абсолютная свобода — когда ты абсолютно никому не нужен.

Мы пытались жить на стипендию, не прося денег у родителей, поэтому находились в режиме строгой экономии и с ощущением перманентного голода. Помню, что наш бюджет (за вычетом денег за квартиру, на которую мы переехали после кражи в общежитии) позволял нам тратить не больше 15 копеек в день. Поневоле у нас была овощная диета, но в бюджет мы укладывались. Раз в неделю мы покупали яйцо и разбавляли овощное меню. Проблематично было купить в магазине именно одно яйцо, советские продавщицы артачились и сыпали догадками: «Это чтобы голову помыть?»... Обычно мы подтверждали все предположения. Почему-то признаться, что яйцо куплено для того, чтобы съесть, было неловко. Экономную студенческую жизнь и наше меню мы воспринимали весело. Помню, на профилактическом осмотре (в институт периодически приезжали врачи с профилактическим осмотром студентов) доктор спрашивает у меня: «Какой у Вас аппетит?», а подруга подсказывает через приоткрытую дверь: «Зверский.. зверский!». Мы могли изменить наше положение, обратившись к родителям. Но не хотели...

Учились мы хорошо, чтобы получить стипендию, но без особого интереса. Все изменилось, когда началась философия. Сам предмет в сочетании с талантливым преподавателем произвел впечатление неизгладимое. Помню фамилию преподавателя – Королев. Его лекции собирали всех: здесь мы встречали студентов нашего факультета, которых не видели на прочих лекциях; сюда приходили студенты других факультетов. Походы на лекции по философии были неизмеримо интереснее, чем походы в кино, в театр или на концерт. На занятиях возникало ощущение счастья и эстетического наслаждения от красоты и глубины человеческой мысли, формировалось твердое желание быть к этому предмету причастной. С изумлением открыла для себя, что есть такая специальность – философ. Подруга была со мной солидарна. И тогда мы решили забрать документы из Политеха и пойти искать по свету, где могут научить такой специальности. Подошли к преподавателю философии – спросить, куда пойти учиться. Оказывается, он закончил философский факультет МГУ. Он стоял в коридоре института орал так, что студенты оборачивались: «Дуры! Какие вы дуры! Зачем бросать институт?! Доведите до конца, закончите хотя бы одно образование! Потом, если захотите, можно будет получить второе». Советский закон тогда ещё позволял получить второе образование бесплатно. Его эмоциональный напор поколебал наши намерения, мы забрали из ректората заявления, в которых просили вернуть нам документы, и продолжили учебу.

На самом деле, интуиция тогда нас не обманула. Мы нащупали свою дорогу. Не только я, но и подруга, спустя многие годы, тоже сменила свою специальность. Она стала доктором философских наук, в настоящее время является проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (бывшего ВИСИ – Воронежского инженерно-строительного института). Но путь к заветной цели у каждой из нас был долгим и непростым.

Два года мы проучились в Курске, потом истосковавшиеся родители (у наших пап и мам было только по одной дочери) провели совместный семейный совет и выставили нам требование возвращаться в родной город. Мы вняли настоятельным родительским просьбам и вернулись, благо такой же факультет был в нашем Воронежском инженерно-строительном институте

(ВИСИ). Мы перевелись и продолжили учебу на третьем курсе по специальности: «Теплогазоснабжение и вентиляция». Факультет назывался санитарно-техническим, соответственно, мы — «сантехниками»...

ВИСИ, основанный в октябре 1930 года, имел в отличие от курского института солидную историю и оброс основательными традициями. Если в курском институте важно было лишь хорошо сдавать экзамены, а в посещении лекций допускалась относительная вольница, то в воронежском контролировалась посещаемость, текущая успеваемость, общественная работа и проч. Ректором ВИСИ был тогда Николай Ульянов (брат известного артиста Михаила Ульянова), который добился присвоения институту ордена Трудового Красного Знамени. О его строгости ходили легенды. Говорили, что он мог уволить лаборантку после звонка по телефону, если вдруг ему не понравился её ответ. Во время его руководства старое здание института, построенное ещё известным архитектором Н. В. Троицким, было дополнено новыми учебными корпусами, библиотекой, столовой, территория вуза была увеличена втрое, построено несколько корпусов студенческих общежитий, открыт студенческий санаторий-профилакторий. Добывать деньги на строительство в советское время было непросто. Он добивался этого только благодаря своей фантастической настойчивости. Говорили, что он мог запросто остаться ночевать в министерстве, расстелив шарф или пиджак, если сегодня ему не дали ответа, чтобы утром изложить свою просьбу снова. Николай Ульянов был не только доктором технических наук, он ещё был мастером спорта СССР по конькобежному спорту, занимался тяжелой атлетикой. Его личный рекорд по жиму штанги лежа — 170 кг. По сей день в его память в вузе проводятся турниры по жиму штанги лежа, в которых принимают участие студенты вуза.

После перевода в Воронежский институт во время студенческой жизни мы могли уже отъестся вдоволь в родительском доме, но на покупки каких-то вещей предпочитали зарабатывать сами. На каникулах я пошла работать грузчиком на Второй Воронежский хлебозавод. Работа заключалась в том, чтобы грузить горячий хлеб с конвейера в вагонетки. Конвейер работал непрерывно и днем, и ночью, работа считалась тяжелой, поэтому за вредность грузчикам давали молоко. Это молоко с горячим черным хлебом — мало кто может себе представить, как это было вкусно. Сначала я радовалась, когда моим напарником ставили мужчин (скорость конвейера такова, что в одиночку погрузить хлеб практически невозможно). Они же сильнее женщин! Но я ошибалась. Мужчины обычно весело и бодро работали первые два-три часа, демонстрируя передо мной свою ловкость и силу. Сначала совершали рывок, а потом сдувались... Садись на стул, спрятавшись за вагонеткой, и просили их не выдавать. Бросали меня работать одну. Один парень плакал от стыда, но встать на конвейер не мог. Женщины оказались надежнее, они работали ровно, без рывков, но у них хватало терпения и сил до конца смены. Когда я уходила в ночную смену, мама сокрушалась: «Ну зачем тебе это?». А я: «Хочу купить сумку». Мама: «Давай я тебе дам денег на неё!». Но я была непреклонна. И это была не только моя позиция, остальные студенты, которых я знала, тоже устраивались дворниками, почтальонами, чтобы только не жить за счет родителей, потому что грань иждивенчества была пройдена, она осталась за бортом студенческой жизни. Сегодня в общественном сознании что-то изменилось... Студенты не стесняются жить за родительский счет...

Да-а-а... Нелли, первые уроки жизни у Вас были очень емкими, даже суровыми. Помню нашу первую встречу, никогда бы не разглядел в Вас бывшего грузчика у конвейера. Итак, Вы прислушались к словам Вашего преподавателя по философии и решили получить техническое образование. Получили? В каком это году было? Вы работали по специальности или сразу погнались за птицей-философией?

После окончания института мы (подруга и я) устроились работать по специальности. Это не была наша заслуга, это не наше желание, это просто была разнарядка. Каждый специалист после окончания вуза обязан был «оттрубить» два года на предприятии соответствующего профиля. Такие были законы в то время. Поэтому проблем с трудоустройством молодых специалистов просто не возникало. Я закончила вуз (ВИСИ) в 1982 году, получила диплом по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» и пошла работать инженером-проектировщиком в Научно-исследовательский институт «Кузмаш». Чем я занималась? С утра до вечера делала чертежи вентиляционных и отопительных систем (газовых — не доводилось). К тому времени я уже была замужем за своим однокурсником, у меня был маленький ребенок, поэтому день был заполнен хлопотами до предела. Тогда декретный отпуск не был столь долгим, как сегодня, через полгода после рождения ребенка я вышла на работу. У моей подруги (с которой мы ездили в Курск) ситуация была аналогичная: муж, ребенок, необходимость выходить на работу. И тогда мы договорились с ней сидеть с детьми по очереди и по очереди работать. Мы обе работали на 0,5 ставки, кто-то из нас работал утром, а после обеда сидел с детьми, а кто-то — наоборот. Нам не хотелось отдавать детей в ясли, и мы нашли приемлемый выход, тем более что наши дети были одногодками. В советское время было почему-то очень страшно потерять стаж, да и труд был не только правом, но и обязанностью (в действующей Конституции от 1993 года обязанности трудиться уже нет), и тунеядство преследовалось по закону.

А потом моего мужа призвали в армию в качестве офицера (ведь он прошел военную подготовку в вузе в процессе учебы). Военная часть, где он служил, находилась в Москве, откуда он ездил в командировки в Бронницы, Мещерино, Быково, чтобы руководить работой стройбатов. Мне, как жене офицера, предоставили однокомнатную квартиру в доме на снос в районе метро Текстильщики, куда мы приехали вместе с дочкой. Наши соседи уже съехали, боясь обрушения, в доме не было горячей воды, водились мыши, крысы и тараканы, но мы о плохом не думали и наслаждались жизнью в зеленом районе рядом с парком «Кузьминки». В двухстах метрах от дома был пруд, который мы использовали на 100%: зимой катались на лыжах, санках и коньках, а летом купались и на столбиках с табличками «купаться запрещено» развешивали свою одежду. Денег на покупку кухонного гарнитура у нас не было, поэтому муж принес из ближайшего овощного магазина деревянные ящики, я застелила их гладкими страницами из журналов, и у нас получился замечательный гарнитур, которым мы не на шутку гордились. Никаких комплексов у нас на этот счет не было, мы понимали, что живем здесь временно, поэтому не стремились к фундаментальным покупкам. Сейчас я думаю, что это правильное отношение к жизни вообще — надо относиться к ней как к временному явлению, тогда все текущие проблемы перестанут заслонять радость бытия. Мы прожили там два года: 1985—1987 гг. Я воспринимала жизнь в Москве как время отдыха, но чем ближе было к окончанию срока службы мужа, тем все острее я понимала, что отдых заканчивается, а я не знаю,

что делать дальше. Я не хотела возвращаться к этому ощущению ожидания звонка окончания работы в НИИ «Кузмаш» (там начинали и заканчивали работать по звонку), когда я за чертежами то и дело смотрела на часы — сколько ещё осталось до конца работы. Нелюбовь к своей работе человека разлагает, сначала чувствуешь, что что-то не в порядке в душе, а потом этот беспорядок отражается и в теле. Меня мучило ощущение потери смысла жизни, как будто я заблудилась и не знаю, куда идти. И я заболела просто — все всяких видимых причин двусторонним воспалением легких. Странно, но антибиотики на меня не действовали даже тогда, когда в больнице на мне перепробовали весь современный арсенал. И тогда я себе дала обещание, что сделаю все, чтобы как-то связать свою жизнь с философией и поменять работу. На следующий день после трех недель горячки у меня была впервые нормальная температура. Найти любимую работу для меня стало делом жизни и смерти.

Когда мы с мужем вернулись в Воронеж, я принялась осуществлять задуманное. Я опять работала в НИИ «Кузмаш», но времени уже не теряла. Как-то взяла отгул, поехала в МГУ, пришла на факультет философии, чтобы узнать, что нужно для поступления туда. Мне сказали, что нужно разрешение от Райкома комсомола, Горкома партии (партия тогда была одна — коммунистическая) и направление от предприятия. Это только чтобы подать документы на философский факультет. А потом ждали экзамены, но для меня это было уже проще — все философы в местной библиотеке были зачитаны-перечитаны. В Комитете комсомола со мной провели собеседование и выдали требуемое разрешение. Труднее было получить разрешение от Горкома партии — там устроили настоящий экзамен по ленинским работам — но, в конце концов, я и от них получила разрешение. С непреодолимыми трудностями я столкнулась, когда дошла очередь до направления с предприятия. Когда я пришла с этим вопросом к директору НИИ «Кузмаш», он чуть не поперхнулся. «Ну представьте себе, — говорил он мне, — вот я Вам выдам справку, что мне в отдел вентиляции и теплоснабжения нужны философы!! Да надо мною будут смеяться все мои коллеги! Мне потом проходу не дадут... Вы хотите, чтобы надо мной все издевались?!». Я, конечно, этого не хотела. Вернее, я хотела совсем не этого. Поэтому я уволилась из НИИ «Кузмаш» и пошла работать инженером в Государственный проектный институт «Проектпромвентиляция» в надежде, что у нового директора окажется меньше ехидных коллег.

Как ни странно, переход в «Проектпромвентиляцию» в итоге предопределил мою социологическую стезю, где я нашла любимую работу. Хотя все произошло вовсе не так, как я изначально планировала. Вообще, я думаю, что на земле нет такой цели, которая была бы для человека невозможной. И не потому, что человек всемогущ. А потому, что, когда у человека есть цель и есть решимость её достичь, мир вокруг него меняется, как бы подстраивается под него. Как только человек начинает делать первые шаги в сторону осуществления этой цели, судьба расстилает ему зеленую ковровую дорожку под его ноги. Лишь бы была цель и была решимость. Это необходимое и достаточное условие. Собственно, наличие цели есть необходимое условие для жизни человека вообще. Без цели человек рассыпается, разлагается...

...т.е. я понимаю, что цель осталась при Вас... и все же, как Вы к ней приблизились? Или — как приближались?

Приближало меня к ней стечение, казалось бы, случайных обстоятельств. Не прошло и полгода после моего перехода в «Проектпромвентиляцию», как нас (троих сотрудников, включая меня) отправили в командировку в Новороссийск. Там, набегавшись по пыльным и душным цехам за день, мы после работы стремились на пляж, благо наша гостиница была у самого Черного моря, а на улице пылала июльская жара. Ближе к 25 годам мамины гены отчасти стали проявляться в моей внешности, поэтому градус мужского внимания ко мне повысился. Молодые люди на пляже частенько останавливались, пытаясь завязать со мной знакомство, но вскоре уходили ввиду бесперспективности своих попыток. И когда на край соседнего лежака присел молодой человек, ситуация не предвещала ничего неожиданного. После того, как он сказал, что тоже приехал в Новороссийск из Воронежа, я поинтересовалась, кем он работает. «Философом», — ответил он без всякого энтузиазма. Меня приподняло на лежаке: «Кем?!». «Преподаю философию в воронежском вузе», — он с удивлением развел руками, видя явную перемену в моих глазах: «Вот уж не думал, что это может зацепить девушку». Мы разговорились, и я ему рассказала, что хотела бы сменить работу. Он посерьезнел: «А вот, кстати, перед моим отъездом к нам на кафедру звонил преподаватель из Сельско-хозяйственного университета, он искал желающих пойти к нему в социологическую лабораторию. Его фамилия — Хайкин. А вот у меня даже в записной книжке есть его телефон. Сергей Романович — его зовут». «А что такое — социология?», — спросила я. «Ну, это что-то среднее между философией и психологией», — ответил он, немного поразмыслив. Это объяснение меня устроило. Так у меня оказался заветный телефон Сергея Романовича Хайкина, которому я тут же позвонила, как только вернулась из командировки. Шансов попасть к нему на работу у меня не было, поскольку не было соответствующего образования. Я это понимала, поэтому подготовилась основательно: исписала всю общую тетрадь (так назывались тетрадки размером в 40 страниц в советское время) текстом со своими размышлениями на тему советского строя и образа жизни, вдохновленная известной статьей Александра Ципко, которая как раз накануне вышла. Шел 1988 год.

Сергей Романович неохотно согласился на встречу со мной и, скептически пролистав общую тетрадь, назвал это бредом. На работу он меня не взял, но сбрасывать со счетов тоже не стал, а предложил мне поучаствовать в социологических исследованиях в качестве интервьюера (как раз тогда Комитет комсомола проводил опросы рабочих Воронежского авиационного завода). Исследование называлось: «Основные направления и факторы повышения эффективности работы комсомольской организации ВАПО». Альтернативы ответов из каждой анкеты я выписывала в тетрадку, а потом вручную считала «среднее». Эта тетрадка у меня сохранилась, любопытно сейчас читать ответы на открытые вопросы рабочих из разных цехов: «Каждому рабочему — ЭВМ», «Сократить ненужные бюрократические штаты, а остальным повысить зарплату», «Соблюдать нормы загазованности, освещенности и шума на деле», «Больше гласности в распределении премий и профсоюзных благ», «Ликвидировать сельхозработы и использование людей на посторонних работах, не соответствующих профессии и квалификации», «Уменьшить физических труд, повысить уровень механизации, организовать производство на научной основе», «Заинтересовать каждого в конечном результате, быстрее сделал — быстрее ушел», «Больше производственной эстетики»,

«Избавиться от формализма и показухи в подведении итогов», «Соцсоревнование не оправдало себя, это фикция», «Заменить так называемые соцсоревнования хоздоговором и конкуренцией», «Не зажимать талантливую молодежь, больше доверять молодежи, давать ей дорогу» и т.п. А инженеры просили: «Обеспечить исправность кульманов, наличие элементарных приспособлений и устройств: нужны хорошие готовальни, резинки, рапидографы», «Заменить деревянные карандаши на цанговые» и тоже: «Не отвлекать людей на посторонние работы в колхозах, на базах, комбинатах общественного питания, в больницах».

Тогда такие ответы казались естественными, а сегодня многим будет непонятно, с какой стати инженера сорвали с работы и послали в колхоз собирать картошку или на овощную базу перебирать гнилую капусту. Из этого следует, что свобода работников была ограничена. Но ограничена она была все же делами, направленными на общее благо. Да, они были недовольны этим, но считали, что в принципе это допустимо, потому что чувствовали себя одним обществом, одной страной, где каждый работает на всех. Замена этой установки на противоположную — «каждый работает только на себя» — произойдет чуть позже. С удивлением обнаруживаю, читая записи ответов советских респондентов, что работа общественных лекторов в рабочей среде была востребована. Рабочие высказывают свои пожелания: «проводить больше интересных лекций», «больше выступать с лекциями и докладами самой администрации», «повысить профессионализм лекторов», «искать новые формы обучения с применением видеотехники», «как можно чаще проводить комсомольские собрания», «проводить политинформации»... Одновременно звучала и критика: «сделать агитацию не-навязчивой», «идейно-воспитательные работы должны проводить идейно-воспитанные люди», «повысить требовательность к тематике и формам проведения идейно-воспитательных работ», «больше правды, меньше воды», «вернуться к ленинским принципам»... Конечно, кто-то выступал против: «идейно-воспитательная работа не нужна», «у меня нет на эту работу ни времени, ни желания», — но противников было вовсе не 100% и даже не 50%, а где-то меньше 10%. Это был один из первых социологических опросов в г. Воронеже, в глазах респондентов читалась благодарность, что их мнением интересуются, они не уходили от ответов, отвечали откровенно — это было видно.

Еще сегодня может удивить их потребность в общении во вне рабочее время: «развивать на предприятии туризм», «организовывать выезды на природу со спортивно-массовыми мероприятиями», «увеличить количество кружков, заменить «бумажную работу» на конкретную», «чаще устраивать хорошо организованные вечера отдыха, диспуты, дискотеки, концерты художественной самодеятельности», «проводить культпоходы»... Иными словами, чувство солидарности со своим заводом им было не чуждо. И они действительно пытались по-хозяйски дать те советы, которые бы повысили градус преданности работников своему предприятию, улучшили атмосферу, упрочили мотивацию к труду, что, в конечном счете, по замыслу организаторов опроса, должно было привести к повышению производительности труда. Они именно «болели» за свое предприятие. Такое настроение сейчас выветрилось из рабочих цехов.

В результате я опросила 173 человека из 10 цехов завода. Анкета была — минут на 40. Представление о том, что интервьюер — это тот, кто только заполняет анкету, тогда ещё не сложилось, поэтому от интервьюеров требовалось

посчитать все закрытые вопросы вручную (компьютеров тогда ещё не было) и обработать, скомпоновать, проранжировать для отчета все открытые вопросы. Я все это проделала и, получив отличную рекомендацию от организаторов опроса, вернулась к С.Р.Хайкину с вопросом: «Что мне делать дальше?». Сергей Романович оглядел меня критически — я была одета в белое летнее платье — и задумчиво произнес: «Ну ладно, с этим заданием Вы справились... Но вот как Вас отправить на опрос в деревню, в колхоз? Что Вы будете делать, если пьяный тракторист во время интервью упадет в лужу и его, извините, вырвет? Я как-то по-другому представлял своего помощника, интервьюера...». Я заверила Сергея Романовича, что я тракториста подниму, вымою, дам опохмелиться и продолжу интервью. Не прошло и полгода, как я уже бегала с анкетой за трактористами по свежевспаханному полю, доказывая непреложность своих обещаний.

Но все по порядку. Сергей Романович задумал открыть социологический отдел при филиале «Росагропрома». Свое решение он обосновал следующим доводом: «В советской стране открыть что-то очень трудно. Ну а закрыть — практически невозможно. Поэтому, если удастся открыть отдел, то маловероятно, что его кто-нибудь закроет». Сейчас поймала себя на мысли: почему «открыть», а не «создать»? Но в советское время говорили именно «открыть». Это в постсоветское время стали говорить — «создать предприятие». Наверное, сами слова стояли на страже стабильности советского строя. Ведь, когда говорим, что что-то надо «открыть», предполагаем, что это что-то уже существует, поэтому принципиально в социальной реальности ничего не изменится. А если говорим «создать» (как бы из ничего), то это уже явное потрясение для социальной реальности.

Открыть отдел на волне Перестройки Сергею Романовичу удалось в июле 1989 года. Он, как начальник отдела, пригласил на работу меня и ещё одного выпускника Воронежского государственного университета (нам сверху «спустили» три ставки). Я без колебаний рассталась к некоторому недоумению родных со своей «непыльной» работой инженера в «Проектпромвентиляции» и шагнула в неизвестность. В моей трудовой книжке появилась новая запись: «Социолог социологического отдела Воронежского филиала Научно-исследовательского центра «Росагропром». Я была счастлива. Понимала, что это счастье незаслуженное, потому что я ничем не могла подтвердить звание социолога — ни образованием, ни опытом работы. Поэтому вольно или невольно передо мной стала задача: доказать это право — называться социологом. Сергей Романович уловил эти настроения и все время подкидывал дрова в костер новых испытаний. Некоторые из них были вовсе нетривиальными.

Однажды он забыл какие-то документы на своей кафедре в Сельскохозяйственном институте, где он по-прежнему преподавал. А наша группа новоиспеченных социологов вместе с ним находилась на другом конце города, и документы эти были срочно нужны. По-моему, был выходной день, институт был закрыт. По каким-то причинам Сергей Романович сам не мог за ними вернуться, а сотовые телефоны ещё не изобрели. Тогда он сказал: «Вот вам тест: езжайте в институт, уговорите вахтера пустить вас в институт, дать вам ключ от кафедры и забрать оттуда документы. Если вы настоящие социологи — у вас все получится. Настоящий социолог должен уметь так входить в доверие к людям, что они бы с радостью распахивали перед ним двери. А если не получится — вам нечего делать в этой профессии». То есть перед нами стояла задача посложнее,

чем у любого разведчика. Не выкрасть документы, усыпив вахтера и взломав дверь — нет! Надо было добиться, чтобы вахтер сам отдал нам документы добровольно, без наведенного на него пистолета, а исключительно под напором нашего обаяния. И мы это сделали!! Хотя в советское время даже войти в охраняемое здание было непросто, а уж получить документы из запертой комнаты — это фантастика... Такие тесты на умение располагать к себе людей «социологи» Хайкина проходили «сплошь и рядом». И эти навыки нам здоровогодились в работе. Ведь мы были без всякого разделения труда и «ногами» (как сегодня называют интервьюеров), и «руками» (обработчиками информации), и «головой» (аналитиками). У нас не было поначалу никаких других интервьюеров, кроме нас самих. И нужно было научиться располагать людей отвечать на наши вопросы. Тогда мне очень пригодилась книжка Л.Я.Аверьянова: «Искусство задавать вопросы».

Собственно, каждое проведенное нами социологическое исследование становилось для нас своеобразным тестом на соответствие заявленной специальности. Каждое становилось новой ступенью к сияющей вершине нашей профессии. Первый заказ нам дал сам «Росагропром», которого интересовало отношение сельских жителей к внедрению арендного подряда. В то время газеты пестрели заголовками типа: «На арендный подряд — все отрасли», «Всем совхозом — на арендный подряд», «Широко внедрим арендный подряд в систему внутривладельческих отношений»... Страна испытывала явные трудности с продовольственным обеспечением, и необходимость коренных перемен в системе сельскохозяйственного производства была очевидной. Арендный подряд советским теоретикам представлялся выходом из положения, условием возвращения колхозникам «чувства хозяина». Но уже пришло понимание, что необходим взгляд на эту проблему «изнутри», т.е. глазами сельских жителей, которым выпало осуществлять намеченные преобразования. Иначе опять придется иметь дело с «черным ящиком»: отлакированной теорией поверхностью и непредсказуемым содержанием. Поскольку исследование попытки внедрения арендного подряда — это не только часть моей биографии, но и страница биографии нашей страны, то я расскажу об этом подробнее.

«Арендный подряд — кратчайший путь к продовольственному достатку», — убеждал меня свежий плакат при въезде в один из районов Воронежской области, куда я отправилась проводить социологическое исследование. Хотелось в это верить, тем паче, что очень убедительны были авторы книг и статей на эту тему, которые я две недели штудировала перед отъездом. Задание у меня было сравнимо с подвигом Геракла. Мне нужно было опросить 1000 человек, в том числе с/х тружеников, руководителей хозяйств, агрономов и других специалистов (300 арендаторов и 700 неарендаторов), а также взять несколько экспертных интервью у новоиспеченных фермеров. Сроку у меня было — три недели. И я была одна. Для того чтобы нанять на работу интервьюеров, средств предусмотрено не было. Любой социолог-полевик, более-менее сведущий в вопросе, скажет, что это задание выполнить невозможно. И действительно, я не уложились в три недели и попросила ещё одну неделю для завершения опроса. Ещё мне было позволено проводить опрос сельскохозяйственных тружеников методом группового анкетирования для ускорения процесса. Вот и все поблажки. И задание было выполнено.

В этом исследовании было значимо все, не только заполненные анкеты, но и случайные встречи с людьми, обрывки разговоров — все шло в копилку. Так, например, на меня произвел впечатление разговор работника МТФ с главным экономистом колхоза «Восход». Колхозник, второй год работающий на арендном подряде, обратился с вопросом: «Какой у меня оклад?». Экономист с досадой отмахнулся: «Надоел ты мне, второй год твержу, что нет у тебя оклада и быть не может. На аренде ты!». То есть арендатор даже не знал, каким образом формируется его доход. Между тем разработанная система цен при арендном подходе предполагала экономию средств на производство продукции, более бережное отношение к технике, иными словами, была призвана воспитывать у человека чувство хозяина. Если арендатор не имеет никакого представления об этом, значит, механизм работает вхолостую. Мне стало интересно, как это могло произойти? Ведь, прежде чем стать арендатором, необходимо было понять и посчитать, из чего будет складываться доход. Но сельские арендаторы имели об этом самое смутное представление. А свинарка колхоза «Красное знамя» просто пожаловалась, что начальство «объявило у них аренду» (так и сказала!) напрасно: «Раньше зарплата от привеса была, и каждый за себя старался, а теперь все на всех делится, и кто там больше работает, а кто меньше — неизвестно». Постепенно становилось понятно, что арендный подряд терпит провал. И дело было вовсе не в том, что система учета трудового вклада каждого человека в коллективе несовершенна, и не в том, что колхозное начальство «объявляет аренду», оставляя блуждать людей в потемках неинформированности. «Широко внедрим арендный подряд...» — в этом лозунге, как в зародыше, уже скрывались те элементы, которые на практике принимали парадоксальную, саднящую душу форму. Арендный подряд в теоретических раскладках подразумевал свободу выбора: быть арендатором или не быть. Подразумевал самостоятельность и ответственность арендаторов в принятии решений. Но инерция жизни по лозунгам выхолащивала смысл и суть любого дела. Арендный подряд «широко внедрялся» и рапорты успешно шли «наверх». А когда свобода выбора все-таки отчасти появлялась, то вожденная «бережливость и экономия» в колхозниках действительно просыпалась, но принимала уродливые, парадоксальные формы. В колхозе «Тихий дон» секретарь парткома Колесников Иван Тихонович о работе одной из молочных ферм, где раньше доярки носили молоко в ведрах, что для них было и тяжело, и не соответствовало санитарным требованиям. Потом колхоз приобрел молокопровод, где молоко проходит ещё и стадию охлаждения, что существенно повышало его качество. Когда этому коллективу предложили арендный подряд, он от него решительно отказался. Дело в том, что молокопровод стоит очень дорого, и простейшие расчеты показали, что плата за амортизацию пожирает весь доход арендного коллектива. И при переходе на арендный подряд коров выгоднее всего оказалось доить... руками. Экономия средств была налицо, но вряд ли авторы идеи арендного подряда стремились к такому результату. В том же колхозе одна семья, перешедшая на аренду, совсем отказалась от техники, чтобы избежать этой части арендной платы, и взяла вместо трактора... лошадь. Они с женой работали от зари до зари без выходных и, соответственно, доход у них был высоким. Но колхозник жаловался, что чувствует себя роботом, механизмом для тяжелой физической работы: «На сколько меня ещё хватит?», — с горечью спрашивал он...

И такая ситуация была характерна не только для Воронежской области, но и для всей страны. Одна агитационная брошюра, которая именовалась «Возвращение хозяина», рассказывала о событиях, происходивших в знаменитом колхозе имени Маншук Мамедовой. Бригадир арендного коллектива Лазебный Николай Евдокимович делился опытом: «Да у нас, когда надо колесо на «Кировце» сменить — а оно стоит, ни много ни мало, 700 рублей — люди все свалки обыщут, все дороги обшарят, где может валяться старое колесо, сделают его, не жалея времени, а нового не возьмут: никто не забывает, что тратим-то мы свое и экономим тоже для себя». Этот факт преподносился автором брошюры как несомненное преимущество арендного подряда. Но в этом достоинстве невооруженным взглядом усматривался какой-то изъян. Главный экономист колхоза им. Шевченко Новоодесского района Л. Серeda также сообщил, что «одно из звеньев отказалось от услуг кормоперерабатывающей линии «Корк-15», сказали, что сами будут готовить корм («Южная правда», февраль, 1988 г.). Что-то не похожи были советские арендаторы на американских фермеров, не спешили они применять новейшую технику, бежали от неё... Камнем преткновения являлась отчужденность колхозников от средств производства. А передать им их в собственность не позволяла коммунистическая идеология. Как-то не удавалось «чувство хозяина» прививать лозунгами, оно «уходило в песок» вместе с арендной платой...

Арендатор выплачивал арендную плату арендодателю, т. е. государству — истинному хозяину и владельцу земли и производственных фондов. Термин «государство» абстрактен, но деньги конкретны. Солидный процент от арендной платы шел на содержание администрации колхоза. Поэтому при самопроизвольном уменьшении числа непосредственных производителей в арендных коллективах численность состава администрации не снижалась. Но не только деньги получали представители «хозяина», за ними оставалось право принятия решений. Бригадир механизаторов, работающий на коллективном подряде в колхозе «Великий Октябрь», жаловался мне: «Колхоз лишает нас самостоятельности, распоряжается нашим временем по своему усмотрению. На настоящую аренду мы бы пошли, а вот нам арендный подряд предлагали, не пойдем. Все равно не дадут работать так, как хотим». И поинтересовался: «А имеют ли право наследия на землю потомки тех крестьян, которые «добровольно» вступали в колхоз во времена всеобщей коллективизации?». Если бы было оно, это право, он бы взял себе несколько гектар земли и стал бы обрабатывать, но только так, чтобы уж никто к нему не лез с указаниями.

А при арендном подряде указаний было не избежать. И дело было даже не в личных чертах характера руководителей и привычке командовать, это было закреплено на бумаге. Например, в договоре между колхозом «Красное знамя» и арендным звеном под началом бригадира М. К. Болохонова я обнаружила пункт № 7, который гласил: «Заказчик имеет право без согласия подрядчика отвлекать людей и технику для выполнения работ в других подразделениях». Не только технику, но и людей! Без всякого согласия! Сложно почувствовать себя хозяином трактора, когда сам себе не хозяин. В чьем же лице персонифицировался тогда истинный хозяин? В руководстве колхоза? Вовсе нет. Оно скорее было «мальчиком для битья», которому постоянно диктовали сверху структуру, технологию, масштабы производства. Поэтому председатель колхоза оказывался такой фигурой, в которую камни долетали с обеих сторон. Проведенное

в 1986 году социологическое исследование управленческих кадров АПК не случайно показало резко заниженную установку руководителей и специалистов сельского хозяйства на должностное продвижение (Рывкина Р. В. Управленческие кадры АПК. // Социологические исследования. 1988. №6). Исследование Рывкиной выявило причины этого: мелочная опека, проработки, необоснованные снятия и переводы, неадекватность в оценке труда с/х специалистов, их мнений. И как следствие этого — нежелание брать на себя ответственность при отсутствии прав. Поскольку экономический механизм арендного подряда не сложился на основе рыночных законов, а изначально был извращен соображениями идеологического порядка, то подобные парадоксы в работе этого механизма были неизбежны. Продолжал действовать принятый ещё со сталинских времен неравноправный подход к ценообразованию промышленных и сельскохозяйственных товаров. Главный экономист колхоза «Восход» рассказал, что хозяйство покупает молоко у работников МТФ по 52 копейки за килограмм, а потом продаёт государству по 30 копеек. Таким образом, колхоз остается ещё и внакладе. Поэтому ему, конечно, требуются дотации. Мне было искренне жаль труда экономистов, написавших так много умных статей и книг, которые я с уважением листала в библиотеках перед поездкой. Они дотошно высчитывали расчетные цены в многочисленных методических указаниях по внедрению арендного подряда, и их логика была безупречна, в их выкладках не было ошибок, но это ничего не меняло. Так, если первая пуговица застегнута неправильно, даже если больше ошибок не будет, все равно в конце окажется перекосяк, и пиджак будет сидеть криво.

Зачем это я? И о чем это я? Вот уже более двадцати лет прошло после крушения Советского Союза, но ностальгия в обществе не утихла. Часть населения по-прежнему сожалеет о советском обществе, вспоминая его преимущества. Нужно напомнить — как это было, чтобы не наступать вновь на те же грабли. Кроме того, строй в России изменился, но менталитет — нет. И когда я слышу сегодня сетования о том, что демократия (наш сегодняшний новый лозунг) не настоящая, мне сразу вспоминаются колхозники с их мечтаниями о «настоящем» арендном подряде. Такая ловушка ума — все, что не нравится, признавать «ненастоящим» и лелеять мечты об утопии, жертвуя этому молоху человеческие жизни.

Подвиг написания отчета по проведенному исследованию Сергей Романович Хайкин взял тогда на себя. Это поистине был подвиг, потому что он тяжело заболел гриппом и только жаловался, что от высокой температуры «трещит» голова и мешает думать над отчетом. Тогда у меня сложилась ещё одна установка: у социолога нет причин, кроме смерти, нарушить сроки исследования. Как писать отчет? Мы не знали... Взяли на вооружение «Рабочую книгу социолога», но там только в общих чертах... Тогда Сергей Романович избрал описательный тип отчета, сожалея, что нет больших открытий, а все больше лезет в строку «ползучий эмпиризм»...

После отчета он тормозил нас — чтобы мы сами искали заказчика на дальнейшие исследования. Помню, мы дали в газете объявление, что проводим социологические исследования в городе Воронеже. Текст объявления у меня сохранился: «Финансируйте социологические исследования на интересующую Вас тему! Средства, выделенные на изучение общественного мнения, окупятся сторицей. Провести опрос, обработать информацию, дать своё заключение

и рекомендации берутся профессиональные социологи из социологического отдела НИЦентра Росагропром». Первым, кто откликнулся, было руководство Воронежской Базы сжиженного газа, обеспокоенное высокой текучестью кадров на предприятии. Мы с коллегой (выпускником исторического факультета ВГУ), сделав важные лица, поехали к ним на предприятие рассказывать о том, какие бывают социологические исследования (предварительно полистав книжки) и договариваться о цене. Отдельные цитаты из книги Ф. Э. Шереги «Как провести социологическое исследование», которыми мы пытались впечатлить директора Базы сжиженного газа, произвели должное действие, и мы получили первый в нашей жизни заказ, который полностью выполнили самостоятельно (от постановки проблемы, выдвижения гипотез, задач, составления анкеты, самого опроса, обработки данных и написания отчета). Там было всего три цеха и работали где-то около 300 человек, поэтому мы выбрали метод сплошного опроса. Опрос проводили втроем (к концу 1989 года в социологическом отделе Хайкина при «Росагропроме» уже числились, кроме руководителя, еще три социолога). Поэтому, как провести исследование, обсуждали на троих. С.Р.Хайкин на время устранился от него. Нам самим и руководству Базы сжиженного газа понравилось наше исследование, и директор нас долго и искренне благодарил, удивляясь неожиданным результатам. Но Сергей Романович, полистав наш отчет, остался недоволен, какое-то время раздумывал — ставить ли под ним свою подпись. Так постепенно мы набирались опыта.

Теперь, Нелли, самое время спросить Вас, какие силы, мотивы (хотя, судя по всему, они могут быть весьма нетривиальными) привели Вас в Петербург и предопределили нашу встречу?

Нет, поездка в Петербург как раз была продиктована самыми тривиальными мотивами. Опыт социологических исследований накапливался, но нехватка соответствующего образования была как гвоздь в сапоге — мешала двигаться дальше. Любой вопрос на тему — а что Вы закончили? — ставил в тупик и заставлял оправдываться. Образование социолога нужно было получать во что бы то ни стало. И вот как-то Сергей Романович вызвал меня в кабинет и сказал: «В Ленинграде открывается аспирантура для социологов. Не хотите поехать? Поскольку только-только открывается, то, может, и проскочите без базового-то образования». К тому времени я уже на опыте убедилась, что инженерно-техническое образование «базовым» для профессии социолога никто не считает. Вопрос о том, какие экзамены нужно сдавать для поступления и в этот раз был второстепенным. Прежде всего надо было, чтобы приняли документы.

В первый раз накануне 1990 года я поехала в северную столицу. Там в 1989 году на базе социологического отдела Института социально-экономических проблем Академии наук СССР был создан Санкт-Петербургский филиал Института социологии Академии наук СССР (СПбФ ИС РАН), который в 2000-ном году преобразован в Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН). В настоящее время он называется именно так. В 1989 году директором филиала был д.ф.н. Б.М.Фирсов — сегодня известный как первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Я встретила с заведующей аспирантурой Быстровой Аллой Сергеевной, которая объяснила мне, что два года работы социологом при наличии высшего образования позволяют

по закону мне подать документы в аспирантуру. Публикаций в научных журналах у меня к тому времени было маловато, я больше публиковалась в местной прессе, но мне зачили написанные мной социологические отчеты по проведенным исследованиям. Солидные тома этих отчетов я привезла с собой. У меня приняли документы в аспирантуру! В 1990 году меня ждали вступительные экзамены, но это была уже просто следующая ступень той лестнице, дверь к которой мне, наконец, открыли.

Я могла учиться только заочно — семья и работа в Воронеже не оставляли мне выбора. На вступительных экзаменах нужно было сдавать социологию, философию и английский язык. Я все сдала на пятерки, и меня приняли в аспирантуру. В августе 1990 года я официально стала числиться аспирантом Санкт-Петербургского филиала Института Социологии РАН. Кстати, в эту же аспирантуру, приехав из Самары, поступил вскоре Владимир Борисович Звоновский — с ним мы познакомились за чаем у Леонида Евсеевича Кесельмана, который очень душевно и тепло нас привечал в своем отделе, потчует печеньем и разговорами о судьбах России. У Владимира Борисовича высшее образование тоже было непрофильным, я почувствовала в нем родственную душу, мы подружились и дружим до сих пор.

А с Вами я встретила уже как с моим будущим научным руководителем. Помню, что принесла Вам набросок своей статьи и Вы, критикуя её, дали мне ценные советы, которым я слеую и сегодня. Например, Вы сказали: «Нельзя начинать предложение с чисел». С тех пор я никогда не пишу: «87% воронежцев доверяют В.Путину», а пишу: «Сегодня доверяют Президенту РФ Владимиру Путину 87% воронежцев» [Бюллетень 2014–06 — опрос ИОМ «Квалитас» проходил в июне 2014 года].

Вы не помните, какие темы мы с Вами обсуждали и почему остановились на почтовом опросе? Как шла работа? Конечно, должен перед Вами извиниться, что где-то в середине (или к концу ?) Вашего аспирантского срока я эмигрировал в США, и наша связь прервалась. Когда Вы завершили Ваше исследование, недавно мне писал Андрей Николаевич Алексеев, что он поддержал Ваше исследование, первым оппонентом была Елена Эмильевна Смирнова? Что удалось показать? Как проходила защита?

По поводу точности сроков я боюсь ошибиться. Потому что буду опираться на ощущения. Они обманчивы, а память избирательна, но иных ориентиров у меня сегодня нет. По моим ощущениям, Вы покинули меня почти тотчас же, как я вступила в ряды аспирантов. По крайней мере, мне не удалось пообщаться с Вами так долго, как бы хотелось. Почтовый опрос мы с Вами обсуждали, но эта тема не осталась ключевой для моего диссертационного исследования. Хотя я провела исследование — было разослано 300 почтовых анкет по Воронежской области в начале 90-х годов прошлого века, и случилось нечто из ряда вон выходящее. Я получила 100% возврат анкет! Не только все заполненные анкеты вернулись, но люди в дополнение писали мне свои длинные письма. 90-е годы были в России самым благодатным временем для проведения социологических опросов. Люди ждали перемен и хотели участвовать в корректировке действительности. Когда я выезжала время от времени в воронежские села проводить опросы, редкая семья не приглашала меня к столу отобедать. В сумерках люди

проводили меня до дома следующего респондента, чтобы не покусали собаки. Желание участвовать в опросах выветривалось постепенно. Прежде всего, оно стало пропадать в городах, где реклама заплотила улицы и почтовые ящики.

Андрей Николаевич Алексеев действительно принял деятельное участие в моей судьбе. Он от корки до корки прочел мой реферат (не помню, по какому случаю его я писала, наверное, это было связано с кандидатским минимумом) и высказал свои замечания. Он консультировал меня по поводу кандидатской диссертации. Вообще-то, официальным научным руководителем была Галина Иосифовна Саганенко, но она тоже меня покинула ближе к защите (уехала в длительную заграничную командировку), и я защищалась без неё. Андрей Николаевич познакомил меня со своим уникальным архивом периодической печати. Думаю, что этот архив сейчас имеет несомненную научную ценность, если сохранился. Когда я приезжала в аспирантуру, то в первую очередь шла «на огонек» к Андрею Николаевичу, где я получала и дружескую поддержку, и горячий чай.

Методы исследования, которым была посвящена моя кандидатская диссертация, в социологических и маркетинговых исследованиях пересекаются, поэтому мне было интересно участвовать в форуме по методам исследований, который проводила Американская Маркетинговая Ассоциация (АМА) в 1996 году в США. Богатый материал для размышления на тему кандидатской диссертации подарили курсы лекций по методике и технике проведения маркетинговых исследований специалистами «Gallup» (Danmark), которые организовал ВЦИОМ в Москве для руководителей своих региональных отделений в 1994–1995 гг. ВЦИОМ вообще много потрудился для того, чтобы поднять образовательный уровень своих исследователей в регионах. С особой благодарностью я вспоминаю Алексея Георгиевича Левинсона, который мастерски обучал руководителей региональных отделений искусству проведения качественных социологических исследований, в особенности фокус-групповых дискуссий.

Тему кандидатской диссертации «Релевантность метода объекту в социологических исследованиях» подсказала мне Галина Иосифовна Саганенко. С ней мы прорабатывали план диссертации и корректировали содержание. В диссертации говорилось о том, как изменилось соотношение метода и объекта в эмпирической социологии. Если раньше довлел объект исследования, а методы подбирались в какой-то степени интуитивно, по наитию, то затем методы эмпирической социологии постепенно приобрели самодовлеющее значение. Их развитие перестало быть непосредственно связано с объектом исследования, вследствие чего произошло обособление методологии от содержательного знания. Этот разрыв между методом и объектом исследования увеличивается, и эмпирические методы превращаются в инструментарий, у которого отсутствует методологическое обоснование его применения. Метод опроса, несмотря на его универсальность и распространённость, неоднозначен и сложен как метод сбора информации, где одна из проблем — вынужденное доверие содержанию получаемых на вопросы ответов. Напряжённость этой проблемы может быть снижена путем выбора метода опроса, адекватного коммуникативным интересам респондента. Почтовый опрос рассматривался в диссертации просто как один из методов опроса наряду с личным интервью, телефонным интервью и проч. По результатам исследования, из всех видов опроса более всего приемлемым для воронежских респондентов на

то время был опрос методом личного интервью на дому; лейтмотивом для участия в опросах всех видов оказался не личный аспект, а социальный, который можно условно определить как чувство гражданского долга; среди личных стимулов чувство уверенности в себе занимало первое место по степени влияния на готовность респондента к согласию на опрос; безусловное первое место по степени предрасположенности к отказу — это ощущение социальной бесполезности опросов. Было показано, что первоначальная комбинация тех чувств, которые испытывает респондент в момент обращения к нему интервьюера, влияет не только на согласие или отказ респондента от опроса, но и выявляет предрасположенность последнего к конкретному методу опроса. Был составлен социальный портрет тех, кто оставляет без ответа открытые вопросы. Также были составлены социально-демографические портреты групп населения, которые более комфортно и доверительно чувствуют себя в тех или иных методах опроса.

Защита кандидатской диссертации состоялась 27 марта 1997 года. Она прошла успешно (черных шаров не было), только было очень холодно — аудитория не отапливалась. Все сидели в зимних пальто и шубах, а я была в дубленке. Но я скинула дубленку с плеч, когда начались вопросы и прозвучали отзывы на диссертацию, — мне стало жарко. Градус доброжелательности аудитории был достаточно высоким — тогда я поняла, что человека может согреть не только солнце, но и слово. На защиту приехал Самуил Аронович Кугель как член Диссертационного совета, и благодаря ему я не простилась с Петербургом навсегда, а приезжаю теперь ежегодно на его Международную школу социологии науки и техники, на которую он меня пригласил сразу после защиты диссертации. В этом году на очередной Школе мы будем отмечать 90-летие этого замечательного ученого и удивительного человека.

Нелли, спасибо, что рассказали, как было. Все 90-е в связи с отъездом из России и вхождением в американскую жизнь вывели меня на 100% из науки. Все узнаю из интервью.

Да, 100% возврат — рекордный. А Вы не пробовали проводить почтовые опросы позже? А что Вы, с Вашей огромной практикой опросов, думаете о возможности проведения почтовых опросов населения России сейчас? Ведь существует масса тем, когда не требуется оперативность в сборе информации.

Почтовые опросы мы поначалу в 90-х годах проводили постоянно. Особенно весной, когда реки разливались, автобусное сообщение между селами прерывалось, и опросить труднодоступных респондентов в отдаленных районах можно было только с помощью писем. Кроме того, мы два десятилетия подряд проводили почтовый контроль уже опрошенных респондентов. У меня в 1994 году в СОЦИСе вышла статья, описывающая перипетии этого процесса [Почтовый контроль как метод повышения качества информации. // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 96]. После рекордного 100% возврата я сначала огорчилась, когда возврат был 50–70%. А потом он стал перманентно меньше 50%. Тогда я обратилась к опыту исследований в других странах и поняла, что 15–25% возврат — это норма и нечего огорчаться. Вскоре я уже радовалась, когда возврат был больше 10%. Нет, не думаю, что мы вернемся к почтовому опросу для проведения репрезентативных исследований. Если только для достижения каких-то малых и очень специфических групп. А потом он не такой уж дешевый и доста-

точно трудозатратный при своей малой эффективности. Судите сами, сначала мы отправляли респонденту письмо с анкетой и с вознаграждением (в пересчете на сегодняшний день это было бы примерно 50 или 100 рублей), и с обратным конвертом. Через неделю — напоминание. Через две недели — второе напоминание. Через три недели — ещё одну анкету с обратным конвертом, но уже без вознаграждения (в расчете на то, что респондент уже устыдился и готов заполнить анкету, но не может, так как выбросил её, когда получил первое письмо). На каждого респондента приходится шесть конвертов, а они тоже денег стоят. А уж сколько возни с ними — это же надо шесть раз подписывать на конвертах адрес каждого респондента! Отнимает много времени и сил у организаторов, а в итоге — разочарование мизерным возвратом.

Да и почта как форма общения отмирает. Письма сейчас отправляются в основном только тогда, когда нужно переслать оригиналы каких-то документов. Есть телефонная связь даже в самых отдаленных районах — для родственников и друзей это гораздо более удобный способ общения. Ну а для всех, кто мало-мальски владеет компьютером и пользуется Интернетом, а таких по Воронежской области, по результатам нашего опроса — 73%, адекватным способом общения стала электронная почта [Бюллетень 2013—08, <http://qualitas.ru>]. Альтернативой почтовому опросу сегодня является Интернет со всеми вытекающими недостатками почтового опроса — малый возврат, нерепрезентативность, анкеты-кентавры, невозможность проконтролировать, кто именно заполнил анкету и проч. И тем не менее это направление бурно развивается. Должно произойти что-то экстраординарное, чтобы вдруг стал вновь востребован традиционный почтовый опрос в социологических исследованиях.

Петербург, диссертация... это мы как-то рассмотрели, а что в это годы происходило с Вашими исследованиями в Воронеже?

В Петербург я ездила ежегодно на курсы лекций, которые проводили преподаватели аспирантуры, и на экзамены. А жила в Воронеже и работала под руководством Сергея Романовича Хайкина. В Москве к тому времени уже появился ВЦИОМ, и С.Р.Хайкин открыл его отделение в нашем городе, поэтому некоторые наши опросы теперь вливались в общероссийский массив. В феврале 1991 года я уже числилась социологом Центрально-Черноземного отделения Всероссийского центра изучения общественного мнения. Выборка, которую давал ВЦИОМ на нашу область, была небольшая, около 30 человек, но она в обязательном порядке включала два-три села, куда приходилось из Воронежа ездить или посылать интервьюеров. Часто бывало, что приходит срок сдачи анкет, интервьюер приносит незаполненные анкеты и говорит — извините, съездить не смог, семейные обстоятельства, болезнь — что угодно. А на завтра нужно эти анкеты отсылать заказчику. Я к Сергею Романовичу: «Что делать?». А он: «Вы организатор — думайте сами». Думать можно долго, а делать надо сегодня. Забегаю с работы домой за резиновыми сапогами (в деревню даже в летнюю жару без резиновых сапог лучше не соваться) и напрямиком на автостанцию, чтобы успеть на ближайший районный автобус. А в селе вечер — для опроса, ночь — в районной гостинице, если не успеваю на последний автобус, а утром с первым автобусом — на работу отправлять анкеты заказчику. Помню, в Нижнедевицком районе гостиница выглядела так: большой зал и в нем — 18 кроватей. Зато дешево.

При всей некомфортности этих командировок они мне запомнились как что-то такое, чего бы мне не хотелось вычеркнуть из своей жизни. Ну представьте себе, приезжаю я в село уже вечером. Пару опросов — и вот уже совсем темно. Я иду одна по проселочной дороге, а меня окружает всё это звездное небо, оно так близко, как никогда не увидишь в городе. Кажется, что звезды просто шепчут на ухо какую-то тайну. В такие минуты представляется, что ты значишь нечто большее, чем есть на самом деле. Вспоминается Виктор Гюго: «... И мнится мне, что сонмом звезд горящих одна моя душа согрета в мире спящем, что мне лишь одному понять их суждено, что я здесь не пришлец — угрюмый, молчаливый, а царь таинственный всей ночи горделивой, что только для меня и небо зажжено». А потом в роли судьбы выбираешь дом для следующего опроса, стучишь в калитку или в окно, и тебя встречает лай собак, а потом выходит хозяйка/хозяин и, когда видит бумажки в твоей руке, проникается важностью момента и пускает внутрь — к теплу и свету. Трудно такие чувства передавать словами, но я попыталась...

Бумажки в руке действовали магически на сельских жителей в постсоветское время. Я их никогда не убирала в сумку, потому что это был пропуск в их дом, символ начальства, символ власти. Бумажки — это всего-навсего анкета и маршрутный лист, но люди совершенно иначе начинали смотреть на тебя, примерно как на «уполномоченного». Мои анкеты после поездок в село вовсе не выглядели свежими... В чем только он не были запачканы! Помню, я стою рядом с дояркой, которая доит корову руками, и опрашиваю по анкете. Потом я присаживаюсь на корточки рядом с ней, чтобы было слышно, что говорит доярка, а корова вдруг дергается, и свежая струя теплого молока размывает мою последнюю запись. Помню, я приехала в поле в обеденный перерыв, когда трактористам привезли на лошади фляги с горячим борщом и кашей. Они присели кто куда, а на колени поставили миски, а я им подложила под миски анкеты, чтобы не было горячо и чтобы отрезать им все пути к отказу от интервью. Анкеты тогда оказались «пропечатаны» полевыми мисками. Иногда я приезжала в район на несколько дней или на неделю, чтобы «поставить точку», как мы говорили. Это означало, что нужно найти интервьюеров на месте (в селе, в районе), научить их проводить опрос и договориться о расценках на их работу. Это делалось в том случае, если исследование долговременное, имело характер мониторинга. Тогда я ездила по школам и искала учителей, которые готовы были взяться за работу. Учитель — идеальный интервьюер для села. Его знали, уважали, доверяли и готовы были ему открыться. И эти сельские учителя нас почти никогда не подводили. Если брались за работу, то делали её.

Однажды я приехала вечером в деревню, провела несколько опросов, и вдруг по всей округе «вырубили» свет. Я тронула ближайшую калитку, и она открылась. Прошла по двору — никого. Подошла к дому, постучалась — никто не отвечает. Тронула входную дверь — тоже открыта. Позвала хозяйку — тишина. Вошла в какую-то комнату, нащупала в темноте диван и села подождать хозяйку — наверное, выскочила к соседке, когда в деревне отключился свет. Ждать на улице не хотелось — там было темно и холодно. Я уселась поудобнее и стала сочинять оправдания перед хозяйкой — почему я вошла в дом в её отсутствие. Время шло, но никто не приходил. Проснувшись я от того, что мне приснилось, как будто на меня едет трактор и сильно тарахтит. Я открыла глаза и обнаружила себя лежа-

щей на диване с огромным черным котом на груди, колоритное мурлыканье которого я приняла за шум трактора. Светало. В доме было тихо, все ещё спали. Когда я поняла, что я провела ночь в чужом доме, никем в темноте не замеченная, первая моя мысль была о входной двери. Как её хозяйева на ночь закрыли? Если на ключ — то это катастрофа. Мне придется будить хозяев и объяснять им свое нелепое присутствие у них дома ранним утром. Но дверь была изнутри закрыта просто на откидной крючок. Я выскользнула на улицу и подумала: «Нет худа без добра — зато на гостинице сэкономила...». Подобных курьезных случаев в работе встречалось море, но этот был самый запоминающийся. Мы в семье потом даже черного кота завели в память об этом происшествии.

Иногда посторонние люди интересовались: «Ну и сколько платят за такую работу?». А я отвечала: «За эту работу я готова сама платить — лишь бы только здесь работать». И это было правдой.

Нелли, очень интересный и красивый текст...

... я так понимаю, что на каком-то этапе С. Р. Хайкин решил перебраться в Москву, и социологическая фирма перешла в Ваше владение и под Ваше руководство. Это так? Когда это произошло? Какие проблемы пришлось сразу решать?

Да, под руководством Сергея Романовича, с его влиянием и авторитетом нам было ничего не страшно — ни Перестройка, ни крушение СССР, которое вскоре последовало, ни смена власти в том здании, где мы арендовали несколько комнат — а это было здание Обкома партии, можно сказать, главное здание в городе на главной площади с главным памятником Ленину. На дворе бушевал 1991 год, массово закрывались предприятия, начиналась безработица, грянул дефолт, а мы спокойно работали и даже имели новые заказы. Нас никто не трогал, и мы заботились лишь о том, чтобы добросовестно (порой самоотверженно) выполнять свою работу, чувствуя надежное крыло нашего начальника, распростертое над нами. Нас к тому времени уже было пять человек, и никто не хотел перемен в своем положении. Демократические перемены тогда коснулись нас лишь внешним образом: в обкомовской столовой приличные ножи и вилки из нержавеющей стали почему-то сменили на гнутые алюминиевые, а из коридоров обкома куда-то исчезли ковры и ковровые дорожки. С тех пор приход демократии у меня ассоциируется с исчезновением ковров и с гнутыми алюминиевыми вилками. Позже я прочитала в «Собачем сердце» Михаила Булгакова: «Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры?», — и поняла, что это не случайность, а традиционное начало всякой революции.

В апреле 1992 года Сергей Романович отмечал очередной день рождения, и от имени всех сотрудников я сочинила ему поздравительное стихотворение:

Мы все здесь на виду
И нам не скрыть волнения:
Ведь лучший день в году —
День Вашего рождения!

И страх в нас не вселяет
Всех темных сил кураж,
Пока нас осеняет
Пресветлый гений Ваш.

От замыслов теснится
И пухнет голова...
Но все осуществится,
Что мыслится едва.

Счастливый ждет финал,
Гоните прочь сомнения!
Ведь разум побеждал
Всегда со Дня Творения.

И слава в нетерпении
Плетет Вам свой венок,
Почет и власть и деньги —
Всему наступит срок.

И будет Вам несложно
Любых достичь высот.
Всему, что невозможно,
Настанет свой черед.

Но будущего блики
Наводят грусть подчас:
Как станете великим,
Не покидайте нас!

«Не покидайте нас!» — это был вопль всех пяти сотрудников. Стихотворение оказалось пророческим, предчувствия не обманули, Сергей Романович начал готовиться к переезду в Москву. Меня он выбрал в качестве своего преемника по стечению обстоятельств. Дело в том, что на должность главы Воронежского отделения ВЦИОМ претендовали два других сотрудника, у которых было больше жесткости, решительности и практической сметки, чем у меня. Вся проблема заключалась в том, что их было двое... И каждый из них считал, что это он должен возглавить отделение. И вот, чтобы между ними не было ссоры, как объяснил мне С.Р.Хайкин, он предложил меня как нейтральную фигуру. Для меня предложение было неожиданностью, и я не сразу согласилась, понимая, что конфликт этим исчерпан не будет. Собрала сотрудников, спросила, согласны ли они работать под моим руководством. Получила согласие от сотрудников, получила согласие от мужа, который купил мне по случаю моего выхода в начальство большой коричневый портфель, реальную и номинальную тяжесть которого я ощутила сразу же после того, как Сергей Романович покинул Воронеж. Прежде всего, нас начали выселять из офиса до окончания срока аренды, и мне пришлось обегать все мыслимые и немыслимые инстанции, всякий раз сочиняя все новые аргументы о непреложной пользе нашей организации для города Воронежа, предлагая живописные картины превращения города в «Нью-Васюки» благодаря работе социологического центра. В результате оторопевшие чиновники разрешили арендовать офис в другом официальном здании по другую сторону главной площади, а потом, как я слышала, сами себе удивлялись: «Почему ей выдали такое разрешение?». Затем мне нужно было активизировать контакты с заказчиками, чтобы поток заказов не прервался с уходом нашего харизматичного начальника. ВЦИОМ обеспечивал заказами свое отделение в Воронеже где-то на 30%. А остальные 70% — это были заказы других московских центров или местных заказчиков, которые проходили через РИОМ (Российский институт общественного мнения), зарегистрированный С. Р. Хайкиным в начале 90-х. С отъездом

в Москву Сергей Романович просто подарил мне РИОМ, так как был единственным учредителем, и я перерегистрировала предприятие на себя. Я помню, как по мере вхождения в начальственную должность у меня менялось сознание: в разы возросла ответственность. Появлялась отчаянная решимость добыть заказы, чтобы прокормить сотрудников (шли голодные 90-е годы). Думаю, что что-то подобное испытывает волчица, выходя на охоту, чтобы принести еду голодным щенкам. Когда я ярмо власти ощутила на собственной шее, у меня поменялось о ней представление. Я поняла, что расширившийся круг обязанностей расширяет круг прав. И только так, и не может быть прав без обязанностей. Я поняла, что любая начальственная должность перестраивает людей так, что они должны заботиться и защищать подчиненных, а значит, власть — это благо для общества, а вовсе не зло. Позже на конференции в Санкт-Петербурге я услышу от докладчика из ВЦИОМа: «Единственное, что заслуживает власть, это презрения!». Приходило понимание, что российская интеллигенция объявила войну не просто какой-то отдельной власти, а власти как феномену, и несет стяг этой борьбы как свое достоинство и оправдание своего существования. Возвращаясь к теме своего повествования, хочу сказать, что количество заказов у нашего предприятия за время моего пребывания в должности директора (1993—1996 гг.) утроилось, предприятие процветало, и мы набирали все новых и новых сотрудников, в то время как в городе предприятия закрывались и свирепствовала безработица. Но «почивать на лаврах» мне не было суждено.

Конфликт, который был заложен в основу моего назначения, продолжал тлеть и не мог угаснуть, потому что никто из двух сотрудников, претендовавших на должность директора, не смирился с выбором С. Р. Хайкина. Внешнее вынужденное согласие просто скрывало внутреннее несогласие и обиду. Договориться с ними было невозможно — каждый просто надеялся переиграть ситуацию в свою пользу. Один из этих сотрудников в результате переехал в Москву, и нас разъединило расстояние. А второму сотруднику удалось-таки убедить начальника отдела проведения опросов ВЦИОМа Е. А. Дюк сменить директора, когда она из Москвы приехала в Воронеж в моё отсутствие (я была в Санкт-Петербурге на защите диссертации). Когда меня сместили с должности, Ю. А. Левада, назначив мне встречу в московском метрополитене, уговаривал меня остаться, не увольняться из ВЦИОМа. Но доверие было подорвано, и больше работать во ВЦИОМе я не смогла. В 1996 году я уволилась из ВЦИОМа, но продолжала работать, оставаясь директором РИОМа. Сформировала новую команду и получила новые заказы. Помню, что первые заказы в новом качестве носили очень масштабный характер: это был ряд всероссийских опросов и нескольких тысячников по Москве и Московской области. Для их организации мне пришлось несколько месяцев снимать квартиру в Москве.

На этом трудном для меня этапе ко мне присоединился муж, желая мне помочь, и неожиданно для себя обрел новую профессию. По сей день мы благополучно работаем вместе. Вскоре я зарегистрировала ещё одно предприятие — Институт общественного мнения «Квалитас», под именем которого наша организация сегодня известна в социологическом сообществе.

Согласен, сегодня «Квалитас» — организация, известная в нашем цехе. Пожалуйста, приведите самые общие факты: когда «Квалитас» родился, сколько в нем тогда работало сотрудников, сколько сейчас? По-видимому, как и все

возникавшие независимые центры Вы в первые годы брались за любые заказы, надо было выжить. Но каковы сейчас основные направления Ваших исследований?

Институт общественного мнения «Квалитас» был зарегистрирован в 1996 году. «Квалитас» («Qualitas») в переводе с латинского значит «Качество». Именно качество исследований стало нашим кредо. Поначалу работало пятеро сотрудников. Да, нужно было искать новые заказы, потому что наработанный поток заказов изливался теперь уже в мою бывшую компанию. Первый заказ «Квалитас», в котором мой муж (Александр) принимал непосредственное участие, отправил его в Воронежскую область. Он уехал на личном автомобиле с одним из наших сотрудников опрашивать районных руководителей фондов обязательного медицинского страхования. У Александра были письма к этим руководителям от областного руководства, кроме того, начальство из центра предупредило своих подчиненных по телефону о грядущем опросе. Их ждали. После завершения опроса в одном из райцентров перед ними распахнули залу для приемов с роскошным столом, который ломился от яств: коньяки, колбасы, фаршированные гуси... чего там только не было... Они остолбенели, совершенно не ожидая такого приема. К их глубокому сожалению, они не могли принять приглашение, потому что торопились домой (уже темнело) и предстоящее многочасовое вождение исключало возможность употребления спиртных напитков. Извинившись и пожелав сотрудникам фонда приятного аппетита, они сели в машину и тронулись, но их остановили крики женщины, которая выбежала вслед за ними с большим пакетом. Когда она сунула этот пакет им в багажник, они вскоре почувствовали, как аромат свежеприготовленной снеди распространяется по машине. Остановились на лесной обочине, развернули пакет и поужинали жареной курицей и прочими, наспех брошенными в пакет, яствами. Вернулся домой муж воодушевленный: «Хорошая работа — в голодный год не даст пропасть».

Но ещё большее впечатление на него произвела поездка в Пензенскую область для осуществления проекта 1997 года, который у нас в архиве значится под названием «Исследование целевой аудитории радио Би-Би-Си». Тогда они вдвоем с сотрудником уехали на личной машине в районы этой области недели на две. Первую неделю они объезжали райцентры и села, искали школьных учителей и нанимали их в качестве супервайзеров для проведения опроса, а также попутно сами проводили опросы жителей сельской глубинки. Они были поражены глубиной и стойкостью традиций русского гостеприимства, которое почти сошло на нет в больших городах. Не было такого двора, из которого они бы вышли после опроса без гостинца. Каждая хозяйка норовила им всучить ведро вишен, яблок, груш, трехлитровую банку парного молока или крынку меда... Отказаться было невозможно, все подарки были от чистого сердца, и даже разумные аргументы: «мы все не съедим... лето, жара — в машине все прокиснет...» — не действовали. При малейшей попытке отказа в глазах очередной хозяйки читалось явное недоумение и обида, и вспыхивала радость, когда её ведерко или банка размещались, наконец, в переполненном уже багажнике автомобиля. Как только они опрашивали первого жителя какой-либо деревни, весть моментально разносилась по округе, и принаряженные бабушки в белых платочках высаживались на скамейки под окнами своих домов в ожидании опроса. Когда социологи проходили мимо них, они интересовались: «А почему нас не опрашивают?». Им объясняли, что

по правилам, нужно опрашивать каждый пятый дом. Они соглашались с научными доводами и переходили на другую скамейку через пять домов: «А теперь нормально?». В общем, с методикой были проблемы, но с открытостью и душевностью общения проблем не возникало. Занозой в сердце у Александра осталась одна полуразвалившаяся лачужка на отшибе. Там жила древняя старушка, которая ухаживала за своим парализованным мужем. Его поразила крайняя бедность их быта. Провожая сотрудников после опроса, она вдруг всплеснула руками: «Ах, я старая дура... Вы же путники!! Подождите!». И через несколько минут вернулась, протягивая моему мужу руки, в одной из которой была горсть серой, почти черной соли, а в другой — большой желтый огурец. «Прости сынок, хлеба нету... ноги болят, магазин далеко. А соль я сама выпариваю из солончаков, она хорошая — бери». Переглянувшись с сотрудником, Александр стал быстро разгружать ей во двор содержимое багажника: все эти ведра с вишнями и яблоками, крынки молока и меда. И опустошив багажник, мигом укатили с её двора, оставив хозяйку с открытым от удивления ртом.

Обычно учителя исправно выполняли порученные им опросы, но директор одной из районных школ вернул Александру анкеты не заполненными. И смущенно признался: «Ребятишки попутали...». Оказывается, сельские школьники спросили у директора после отъезда Александра: «А зачем это к Вам приезжал Сева Новгородцев?». Сева Новгородцев был известным в то время радиоведущим «Би-би-си». Спутать его с Александром можно было разве что из-за длинных волос до плеч, которые мой муж в то время носил. Директор поначалу ребятам не поверил, но взглянув на анкеты, увидел, что опрос посвящен как раз радио «Би-би-си»... А тут ещё ребята сообщили директору, что Сева очень любит подобные розыгрыши... «Не ожидал, что Вы вернетесь... Извините, что подвел». Пришлось моим сотрудникам завершать опрос самостоятельно.

В это же время — в начале 1997 года — у ИОМ «Квалитас» появился первый заказ всероссийского масштаба: «Оценка объемов регионального рынка и перспектив продвижения на него газетно-журнальной продукции». Нужно было опросить читателей в 23 российских регионах. Другое исследование — «Выявление потенциальных читателей журнала: “Мой прекрасный сад”» — предполагало опрос в 17 регионах России. Заказы-то мы получили, но было не вполне ясно, как можно их осуществить — даже телефонов социологических центров в регионах у нас не было. На время всероссийских опросов я сама себя командировала в Москву и собирала «с миру по нитке» информацию о социологах в регионах. Я очень благодарна всем моим коллегам по цеху, которые поделились тогда со мной телефонами своих партнеров. Моим орудием производства на время этих исследований был стационарный телефон в московской квартире (сотового у меня ещё не было). Я почти не выпускала его из рук в течение трех недель, начиная работу с 6:00 утра, когда уже можно было звонить в дальневосточные регионы. К моей радости региональные партнеры соглашались выполнить опрос, я переправляла им поездами анкеты (тогда ещё угроза терактов не стояла так остро, и проводники не отказывались брать посылки) и через три недели встречала в Москве поезда, которые привозили посылки с заполненными анкетами. Это была обычная схема проведения всероссийских опросов в то время. Проводить их удобнее всего было из Москвы, потому что именно из Москвы поезда уходили во всех направлениях. Целесообразно на это время было

снимать квартиру в Москве, тем паче что некоторые исследования предполагали опросы самих москвичей. Одним из первых масштабных проектов в Москве стал опрос 2000 москвичей в маркетинговом исследовании «Доли рынка и поведение потребителей мясной продукции». Меня спросили: «Сделаете?». Я сказала: «Да!». Правда, не стала уточнять, что я на тот момент была одна, что никакой организационной структуры у меня в Москве не было. Но зато был некоторый опыт и уверенность, что это можно сделать. Мне выдали аванс и установили срок — два месяца. За это время нужно было не только провести исследование, но и создать новую структуру. Я дала объявления в двух-трех московских газетах о том, что требуются интервьюеры для проведения социологического опроса и арендовала на это время офис в Институте социально-политических исследований (ИСПИ). Через неделю я повторила объявления в газетах, и за две недели у меня в картотеке было записано более 50 интервьюеров. Когда подошла черед инструктаж, я пригласила себе сотрудницу в помощь из Воронежа, и мы вдвоем рассказывали новичкам, как проводить опрос и выдавали каждому пробную контрольную анкету, которую он должен был принести на следующий день, заполнив по всем правилам. Если претензий к пробной анкете не возникало, и контроль подтверждал, что респондент действительно был опрошен, интервьюеру выдавался уже десяток анкет и назначались сроки их сдачи. Опрос проводился маршрутным методом по московским квартирам в течение месяца. Оставшиеся две недели были отведены на контроль по результатам опроса. Зарплату интервьюерам мы выплачивала сразу после контроля, что выгодно отличало работу у нас от работы в иных московских фирмах, где зарплаты приходилось ждать порой не один месяц. Поэтому интервьюеры охотно участвовали и в других наших опросах, и моя картотека пополнялась. Таким образом, буквально через два-три месяца после начала работы ИОМ «Квалитас» у нас была уже сеть партнеров в российских регионах и картотека интервьюеров не только в Воронеже, но и в Москве. Уже позже, не выезжая из Воронежа, я несколько лет проводила с помощью своей команды московских интервьюеров мониторинг цен в столичных магазинах, пока заказчик не утратил к этому проекту интерес.

Главный вывод, который я сделала для себя, создавая ИОМ «Квалитас» с «нуля», это то, что для создания нового предприятия в России не нужен материальный капитал (материальный капитал — это «золотое правило» начала бизнеса было в любом западном учебнике того времени). То есть неплохо, если он есть, но можно обойтись и без него. А что же нужно? Нужен кураж и некоторая масштабность мышления. Если бы мне, например, не в 1997 году, а пятнадцать лет назад (в 1982 году — сразу после окончания вуза) предложили опросить в Москве 2000 человек за два месяца, я бы даже не заподозрила, что я это смогу сделать. Но работа, особенно в должности директора, изменила мое мышление. Когда сотрудники в рабочей рутине подходили с возникающими проблемами, которые требовалось немедленно решить, то первым естественным желанием у меня было сказать: «я не знаю, как починить электричество или компьютер; не имею представления, где искать пропавшего интервьюера или автобус с анкетами и т. п.». Но вдогонку за этими словами, которые так и оставались несказанными, в голову приходило беспощадное напоминание: ты директор, а значит, должна решить все проблемы. Нельзя демонстрировать беспомощность, а нужно подбодрить сотрудника и искать выход из создавшейся проблемы. С тех пор к любой власти

у меня сформировалось стойкое и непреложное сочувствие. Кстати, новым было и чувство ответственности за те поступки, которые совершил кто-то другой. Когда заказчик меня отчитывал за работу моих интервьюеров, некоторых из которых я даже в глаза не видела, я потихоньку начинала усваивать это чувство вины за чужие поступки — имманентный «дамоклов меч» любой власти. Почему я здесь вспоминаю об этом? Потому что именно власть и отношение к ней станет в будущем предметом моего научного интереса. Работа приучила меня братья за те дела, которые представляются непосильными, приучила игнорировать чувство страха при этом... Приходило понимание, что человеку дано освоить такие масштабы работы, которые он согласится охватить своей мыслью. То есть масштабы деятельности зависят не от физических или материальных возможностей человека, а в первую очередь — от масштабов его мышления. Хочется привести ещё один пример в подтверждение тезиса о том, что для создания нового предприятия в России не нужен материальный капитал (это справедливо не только по отношению к социологической фирме). Один наш знакомый преподаватель вуза в начале 90-х забегал к нам, чтобы попросить займы три копейки на трамвай. А через несколько лет у него уже была своя фабрика, несколько магазинов и ресторанов. Он смог заработать деньги, потому что дерзнул изменить образ жизни, а его мышление нарисовало ему такой масштаб.

В первые годы становления ИОМ «Квалитас» мне лично приходилось принимать самое непосредственное участие в полевых исследованиях. Иногда случались инциденты. Например, в 1998 году у меня было «сладкое» исследование в Москве: нужно было протестировать различные виды новой марки немецкого шоколада Ritter Sport перед выходом его на российский рынок. Мне выдали двенадцать ящиков этого шоколада (один ящик — один сорт). Мы (я и командированная мной из Воронежа сотрудница) арендовали несколько столиков в летнем кафе недалеко от метро Новослободская и приступили к опросу. Мы приглашали прохожих отведать разные сорта шоколада и высказать свое мнение о них. Шоколад был качественный и вкусный, москвичи его видели тогда впервые (это сейчас он лежит в продуктовых магазинах у каждой кассы как ходовой товар). К нам подошел мужчина, который хотел попробовать шоколад, но он не подходил нам по квоте, и мы ему отказали. Тогда он обиделся и вызвал милицию, сообщив, что мы «травим прохожих подозрительным товаром». Приехавший милиционер предложил мне погрузить ящики с шоколадом в милицейский «уазик», добавив: «Поедем в участок — там разберемся». Представив себе, как милиция будет разбираться с моим шоколадом, я поняла, что исследование под угрозой. Предъявив все необходимые документы, я объяснила, что состава преступления в моих действиях нет, и меня не за что задерживать. Увидела, что он начинает колебаться в разговоре со мной, но когда оглядывался на горы шоколада, его уверенность в том, что я должна с ним «прокатиться», опять брала верх. Тогда, исчерпав аргументы рациональные, я перешла к эмоциональным. Я попросила его показать документы (чтобы запомнить фамилию) и сказала, что завтра в газете выйдет статья, где будет описано, как милиция задерживает ни в чем не повинных граждан (у меня в кармане на этот случай была «корочка» с тесненной золотистой надписью «пресса», выданной нам ещё ВЦИОМом). «Кроме того, — добавила я, — акт моего задержания поставит под угрозу международные отношения с Германией, поскольку именно

немецкая фирма доверила мне провести исследование её продукции, и грядет скандал, если эта продукция не будет использована по назначению». Спросила его: «Нужно ли, чтобы я вызвала сейчас представителя немецкой фирмы, и он бы к нам подъехал»? Перспектива встречи с представителем немецкой фирмы его почему-то не обрадовала (на самом деле, это был блеф, рассчитанный на трепетное отношение тогдашних россиян к иностранцам). Не знаю, какая из нарисованных мной картин произвела решающее впечатление, но милиционер не стал забирать ни меня, ни шоколад — сел в машину и уехал. Когда я писала аналитический отчет по этому исследованию, меня кольнуло сожаление, что неуместно в отчете описывать подобные происшествия, и авторы концепции шоколада Ritter Sport никогда не узнают, как героически в России защищают неприкосновенность их продукции...

В конце 90-х годов мы плотно сотрудничали с Александром Олеговичем Крыштановским. У него были интересные идеи (как методического, так и концептуального характера), которыми он щедро делился, и партнёрство с ним всегда носило творческий характер. Когда они с супругой (умение которой за пару дней, а иногда даже за ночь, писать весомые аналитические отчеты по результатам исследований для меня было предметом восхищения) пригласили меня к ним домой на чай, на меня произвела впечатление их обширная библиотека, которая начиналась ещё в прихожей и занимала целую стену от пола до потолка в огромной гостиной.

В конце 1997 года мы начали делать социальный проект, который продолжаем до сих пор — вот уже 17 лет. Каждый месяц мы опрашиваем по актуальным социально-экономическим и политическим вопросам жителей Воронежа или Воронежской области и публикуем результаты в Ежемесячном Бюллетене социологических сообщений по городу Воронежу, который распространяем нашим подписчикам — местным органам власти, общественным организациям, отделениям политических партий и средствам массовой информации. Этот проект мы ведем без чьего-либо внешнего заказа, опросы проводим за собственный счет. Насколько я знаю, в других российских регионах нет ничего подобного по продолжительности и количеству потраченных из собственного кармана денег. Наш Бюллетень получают подписчики и за пределами нашего города и даже за пределами нашей страны. Лет пять мы вели и другой инициативный проект «50 политиков»: группа экспертов оценивала степень и вектор влияния наиболее известных политических деятелей Воронежской области.

В последующие годы число штатных сотрудников Института общественного мнения «Квалитас» увеличилось до 23 человек. Кроме штатных сотрудников, наш основной арсенал — внештатные сотрудники (интервьюеры), как и у любой социологической фирмы, специализирующейся на полевых исследованиях. Интервьюеров в нашей картотеке более 300 человек, а с появлением call-центра их количество стало резко расти.

Вы мне недавно писали, что планируете принципиально увеличить численность операторов вашего call-центра. Когда Вы его создали? Вы проводите локальные и общероссийские телефонные опросы? У вас — панели или используете метод случайного набора? Поскольку Вы решили расширяться, постольку, скорее всего, Вы видите перспективу в общем расширении Вашего бизнеса. Так ли это?

Call-центр мы создали в 2012 году, он насчитывал 13 рабочих мест. Стимулом к его созданию послужили два аргумента: почти сплошная телефонизация населения и все более усугубляющиеся трудности при проведении квартирных опросов. Это раньше, лет двадцать назад, люди ещё хотели, чтобы к ним в дом пришли интервьюеры и поговорили на актуальные темы. Постепенно это желание стало гаснуть, чему в немалой степени способствовала навязчивая реклама: представители торговых фирм ходили по квартирам и предлагали населению приобрести различные товары. Желание избежать личных контактов с незнакомцами материализовалось в больших городах в виде домофонов на подъездах, что существенно затруднило доступ интервьюеров к респондентам.

Если раньше мы отказывались от телефонных опросов из-за малой телефонизации, приводящей к перекосу в выборке, то теперь стали отказываться от квартирных опросов, потому что они дают существенно больший перекося, чем телефонники. Недостижимые для личного контакта респонденты сегодня стали доступны только по телефону. Мы проводим как локальные, так и общероссийские телефонные опросы. Вообще, география опроса перестаёт быть привязана к месту нахождения call-центра, мы в состоянии провести и международные опросы — дело в стоимости, знании языка и наличии телефонной базы. Чаще всего нами используется метод случайного набора номеров, проводим и панели, первоначально сформированные также случайным методом. В настоящее время мы расширяем количество рабочих мест в call-центре до 33 единиц, надеюсь, что к ноябрю 2014 года он заработает с полной загрузкой. Общая перспектива нашего бизнеса более-менее определена — это постепенный отказ от бумажных анкет и переход на виртуальную «цифру». Телефонники это делают автоматически и, помимо прочих достоинств, снимают проблему дополнительного контроля — аудиозаписи опросов всегда под рукой. Личное интервью тоже все чаще осуществляется при помощи планшетников, которые позволяют вести опрос в online режиме, фиксируя при этом место и время опроса, что существенно затрудняет попытки фальсификации со стороны интервьюеров.

Нелли, Вы уже написали много доброго в адрес своего мужа, пожалуйста, представьте его повыпуклее...

Мой муж — Александр Леонидович Романович — прирожденный лидер, руководитель, организатор. Мы вместе учились в институте, он был комсоргом в школе и инициатором всех студенческих поездок на природу с палатками, всех вечеринок и походов, веселых посиделок и праздников. Великолепное чувство юмора, быстрая реакция, умение владеть словом всегда обеспечивали ему центральное место в любой компании. Умеет, как Цезарь, делать несколько дел одновременно, делает (в отличие от меня) все очень быстро, имеет внутреннее чувство времени, которое есть далеко не у всех. Оно позволяет ему точно рассчитывать минуты, которые будут затрачены на дело или на дорогу, и никогда не опаздывать. Соответственно, ожидает того же и от других, и его вопрос: «А сколько это у тебя займет времени?» — зачастую ставит меня в тупик. Наша дочь говорит, что 33 года супружеской жизни (а именно столько исполнилось осенью этого года) изменили и мой внутренний ритм, я стала успевать делать больше дел, чем раньше. Что мне больше всего в нем нравится — это готовность в трудные минуты жизни брать ответственность на себя. Это чисто мужская черта — индикатор

настоящего мужчины. А в повседневности, когда мы проводим время вместе, он планирует день, а я спокойно отключаюсь, как это делают дети. В первые годы совместной жизни я ещё пыталась спрашивать: «А куда мы идем?». Но в ответ неизменно слышала: «Ты же со мной – придешь и увидишь!». Теперь-то я знаю, что наш маршрут всегда будет самым разумным, и мы точно никуда не опоздаем. Превентивное мышление – это его конек, который открывает возможности прогнозирования. Его обожают приглашать на телевизионные передачи, особенно если они идут в прямом эфире – он, как палочка-выручалочка, всегда найдется с нужным словом. Как-то раз был назначен прямой эфир с вице-губернатором, но тот не смог прийти, и чтобы не отменять передачу, позвали Александра. В Воронеже как раз был период, когда с прилавков исчезла соль, а затем появилась, но в два-три раза дороже. Понятно, что Александр к исчезновению соли не имел никакого отношения и никак не думал перед эфиром, что говорить придется об этом. Но обеспокоенные горожане спрашивали только про соль, никакие другие вопросы, на которые он мог бы ответить в качестве приглашенного социолога, их не интересовали.

И вот в течение получаса он отвечал, как мог, на вопросы про соль, пока ведущий уже не выдержал и взмолился, обращаясь к зрителям: «Не спрашивайте больше про соль! Перед вами человек, который много чего интересного может рассказать на основании социологических исследований в вашем городе...». Когда раздался следующий звонок, ведущий осторожно поинтересовался: «Про соль спрашивать не будете?». Зритель ответил: «Нет». «Ну тогда – спрашивайте!», – успокоился ведущий. «Хорошо. Про соль больше не будем. Но что у нас происходит с сахаром?». Трудно представить кого-либо другого на месте Александра, кому бы удалось в такой ситуации не растеряться, не сорвать передачу. Но передача удалась, и зрители были довольны, получив разумные ответы, и работники телевидения были рады, что все прошло гладко. Экспертное мнение Александра по части социологических прогнозов и оценки социально-политической ситуации весьма востребовано, он нередко дает интервью по телефону для москвичей и центральных СМИ, не говоря уже о местных. А пару лет назад в соцсети Facebook какой-то незнакомец сослался на него в социологической дискуссии: «А вот Александр Романович говорит..», и добавил: «Великий социолог, кстати!». С тех пор, если мы начинаем с Александром социологический спор, он в шутку парирует: «Ты кто? Просто доктор наук. А я – великий социолог...». «Кстати!», – добавляю я, и на этом наш спор заканчивается. Иными словами, семнадцать лет работы в должности исполнительного директора Института общественного мнения “Квалитас” успешно заменили ему социологическое образование, и общество заслуженно присвоило ему звание социолога. Сейчас на своем рабочем месте он чувствует себя как рыба в воде, но если бы жизнь сложилась иначе, он мог бы быть успешен и в иной профессии, поскольку его дарования разносторонние.

В свое время он учился в художественной школе, хорошо разбирается в живописи и вообще – в современном искусстве. Очень любит музыку и знает наперечет зарубежные музыкальные группы, стили и направления, может часами рассказывать биографии исполнителей. У него прекрасная память, любители кроссвордов порой при мне обращались к нему с вопросами, и я не помню случая, чтобы они не услышали искомого ответа. Люди тянутся к нему за советом

и поддержкой в трудных ситуациях, поэтому друзей у него много. Как-то так получается, что незнакомые прежде люди становятся знакомыми друг с другом через него. Запомнились строки из одного стихотворения: «Но в вихре жизненных путей нет ничего важнее уменья объединять сердца людей». Он это умеет.

А теперь, пожалуйста, расскажите о Вашей работе над докторской диссертацией, мало кто из коллег успевает заниматься научными исследованиями. Когда начинали? По какой тематике? Где защищались?

Похоже, я увлеклась описанием своего участия в полевых исследованиях — они оставили яркий след в душе — и картина получилась не полной. У Сергея Романовича я занималась не только полевыми исследованиями. У него было два отдела: полевой и аналитический. Я работала в аналитическом, и моей главной обязанностью было писать отчеты по исследованиям, а также статьи в местную прессу. В полевых исследованиях я принимала участие тогда, когда анализировать было нечего, а полевой отдел был переполнен работой.

В моем архиве — более 30 статей в воронежских газетах, которые я опубликовала за четыре года работы с С.Р.Хайкиным. В научных журналах в этот период вышли статьи, в частности, о почтовом контроле в СОЦИСе (1994 г.), в Информационном бюллетене ВЦИОМа «Отказы респондентов в зависимости от восприятия ими опроса и его методов», в Вестнике Ставропольского университета «Переменные Парсонса как индикаторы волновых процессов в обществе» (1994 г.). В Воронеже были изданы две книги, где я написала отдельные главы: «Развитие социальной инфраструктуры и методы изучения потребностей сельских жителей» (1990 г.) и «Социальная адаптация населения в связи с переходом к рынку (по результатам опросов)» (1992 г.). Направления исследований видны из названий публикаций на научных конференциях: «Будущие фермеры — кто они? Применение новых методов исследования в условиях рынка» (Воронеж, 1991 г.), «Реформы, основные группы влияния и общие тенденции политической жизни Воронежской области» (Самара, 1995 г.). В Санкт-Петербурге, куда меня часто приглашали коллеги по аспирантуре, выходили мои статьи: «Нужна ли россиянам свобода» (1998), «Образ женщины в глазах воронежцев» (2000), «Влияние СМИ на политическое сознание избирателей» (2000) и другие. С докладом «Questionnaire Methods in the Eyes of Respondents» я ездила на конференцию в США, где он был опубликован в сборнике (Questionnaire Methods in the Eyes of Respondents. Materials of the conference: Advanced Research Techniques Forum. — Colorado, Denver, 1996, P. 238). Маркетинговые исследования шли отдельной строкой в моих публикациях. В одной из них журналисты изменили моё научно-образное название на пикантное: «Ищите партнера по запаху», что послужило поводом для приглашения меня на ток-шоу Первого канала. Статью эту можно сейчас найти в Интернете в списках литературы в диссертациях психологов. Иными словами, моя научная работа началась не вдруг, она перманентно вплеталась в полевые будни, и начальный задел её был сделан еще в прошлом веке (как странно звучит!).

Весьма информативным для меня оказалось участие в качестве привлеченного эксперта в проектах Регионального Фонда «Центр защиты прав СМИ»: «Гласность в судебном производстве» (2000 г.), «Предотвращение разжигания этнической (расовой дискриминации, антисемитизма, кавказофобии) и религи-

озной нетерпимости в средствах массовой информации» (2001 г.), «Демократия и выборы» (2004 г.), «Применение в судебной практике Европейской Конвенции по правам человека в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации» (2007 г.). Накапливался материал для размышлений уже над докторской диссертацией. Во время моей работы над аналитическими отчетами в этих проектах была возможность сравнить статистические данные с результатами опросов, сравнить мнение людей, которые посещали коридоры власти, с мнением тех, которым там не довелось побывать. И оказалось, что населению свойственно априорно негативное отношение к власти, то есть люди представляют, что власть хуже, чем она есть на самом деле.

Это дело социолога — исследовать причины таких явлений. В 2002 году в СОЦИСе была опубликована моя статья «Демократические ценности и свобода “по-русски”», где тезисно были обозначены отправные пункты будущей докторской диссертации. То есть я тогда ещё не знала, что это будет докторская, но непреодолимый интерес к этой проблеме и желание исследовать её привели меня к логическому финалу. Если кандидатскую я писала потому, что мне нужно было получить официальный статус, доказывающий мою причастность к социологии, подтверждение социологического образования, то докторскую я писала потому, что мне хотелось её писать — это был не внешний, а внутренний стимул: интерес и желание разобраться.

Наверное, это и есть единственно правильный мотив для научной работы. Мотив был, но не хватало конкретного толчка к началу работы. И вот он материализовался в образе профессора из Сербии Ю. Е. Райковича, социолога, приехавшего в Воронеж в 2005 году (мы с ним познакомились на Международной школе науки и техники в Санкт-Петербурге у С.А.Кугеля, с которым его связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения). Помню, я веду сербского профессора по крутому берегу Воронежского водохранилища, стремясь порадовать его красивыми городскими пейзажами, а он, бедный, тяжело дышит (возраст), но не теряет нити беседы. Спрашивает меня: «Есть у тебя какое-нибудь желание, которое хотелось бы осуществить в жизни?». Я отвечаю: «Есть, я хотела бы написать докторскую, но это практически не осуществимо при моей загрузке на работе». А он мне: «А ты сама себе задай график: работай до обеда, а после обеда иди и пиши 10 страниц в день. И не ложись спать, пока не напишешь!». И так уверенно он об этом говорил, что я ему пообещала, что буду писать. А когда пообещала, то уже обратной дороги не было — начала (конечно, не десять страниц в день, но хотя бы две строки пыталась...). Поддерживать связь с ним не удавалось (электронного адреса у него не было, да и почтовый работал с перебоями: посланные ему Бюллетени возвращались недоставленными). Но два года назад он прислал мне весточку — передал рукописное письмо через своего коллегу, который проездом был в Воронеже. Письмо было датировано 25 июня 2012 года, и он писал: «Посылаю тебе доказательство, что я ещё жив и не забываю своих русских коллег-друзей. Ты помнишь, что много лет назад я затруднялся подниматься в гору, когда я был в Воронеже. Мне теперь стукнет “80”... Как твоя диссертация, могу ли я чем-то помочь в этом деле (например, замкнуть тебя на ключ в комнате и не пускать без 10 страниц в день!)». Меня до глубины души тронула такая забота, и я порадовалась, что успела выполнить свое обещание, о чем написала ему письмо, но ответа больше не получала...

Очень интересно, Нелли, не просто факт, типа в таком-то году я защитила докторскую диссертацию по теме: «....», показано движение... теперь, пожалуйста, о полученных результатах...

Постараюсь... Меня поражали результаты опросов, которые противоречили не только демократической идее, но и принятой в 1993 году Конституции. Отношение к власти (не к конкретной какой-то власти, а к власти вообще) оказалось в России ступором для принятия демократических реформ. Большинство населения ничего не имело (и не имеет) против того, чтобы вся власть в России принадлежала одному человеку (а разделение властей — главный нерв западной концепции власти, «табу», которое не подлежит обсуждению). Единовластие, иерархичность, централизация, персонификация власти — эти базовые характеристики традиционного для России образа власти четко читались в результатах социологических опросов. Но они вступали даже не просто в противоречие, а в прямое сражение с противоположными им базовыми характеристиками западной концепции власти, заложенной не где-нибудь, а в действующей Конституции РФ: разделением властей, нивелированием иерархии, децентрализацией и деперсонификацией власти. Первым делом надо было выяснить, почему так сложилось? Почему базовые аспекты образа власти на Западе и в России такие разные? Ну а затем разобраться, что происходит с обществом, когда принятые законы противоречат его мировоззренческим основаниям... По такому плану я и строила свою докторскую диссертацию.

Отношение к власти, как мне думается, — это своеобразный ключ к пониманию различий в ценностях восточной и западной культуры. Общеизвестно, что разделение произошло ещё в концепциях идеи и формы Платона и Аристотеля (если форма индивидуализирует вещи, то идея собирает разрозненные вещи вместе). Аристотелевская концепция формы (подразумевающая способность вещей, людей и систем к самоорганизации) предвосхитила теорию «невидимой руки» Адама Смита и идеологию политического либерализма, в то время как русскую душу можно назвать «платоничкой» — налицо трансцендентность её этических идеалов, жертвенность, родственность идей русской соборности платоновским эйдосам (эйдос предполагает иерархию, центральное администрирование и планирование). Это разделение проходит через всю историю и приобретает черты политической структуры на основе религиозных форм. Можно согласиться с мнением Дайсаку Икэды в том, что «религиозные формы есть основа творческой работы по созданию цивилизации» [Toynbee A., Ikeda D. Chose Life. A Dialogue. London, 1976. P. 288].

На Западе исторически сложившиеся модели взаимодействия церкви и государства нашли свое воплощение в двух типах: папоцезаризма (католичество) и цезарепапизма (протестантизм), т.е. предполагали ту или иную форму подчиненности друг другу (что исключало союз равноправных независимых советников) в отличие от Восточной церкви, которая догматически закрепляла норму независимости церковной и светской власти. Исторически неформальной нормой для взаимоотношений на Руси церковной и светской власти служила теория «симфонии властей», согласно которой требовалось признание со стороны государства независимости и самостоятельности церковной власти, церковного суда, неприкосновенности и неотчуждаемости церковного имущества. С начала раскола Восток и Запад характеризуется разнонаправленными процессами

в отношении воззрений на власть. Если на Западе шел общий процесс десакрализации власти, то на Востоке упрочивались догматические основания сакрализации царской власти. Именно папа Римский считался наместником Христа, поэтому ореол сакральности окружал его, а вовсе не монарха. Католицизм десакрализировал светскую власть, а протестантизм затем отверг иерархию. В противоположность Западу на Востоке христианские монархи непосредственно представляли Бога и носили на себе печать сакральности, из чего логически вытекали следующие следствия: 1) персонификация власти как следствие ожидания отображения первообраза; 2) сакрализация в случае соответствия образа и первообраза; 3) запрет на критику власти; 4) иерархичность как подражание небесной иерархии; 4) нивелирование формальной основы во властных отношениях (последнее закладывало традиционный для Востока нигилизм в отношении к законам). Историческая коллизия измены православию со стороны представителя Русской церкви во Флорентийской унии способствовала упрочению духовного авторитета царской власти. Образ православного «царства», который сложился в русской общественно-политической мысли XV – первой половины XVI века, имел кардинальные отличия от образа европейского «королевства».

В диссертации я показала, как в историческом противостоянии восточной и западной культуры закладывалось различное мировоззренческое представление о сущности власти. Хотя религиозное мировоззрение сегодня утратило роль прямого воздействия на общественное сознание, оно стало частью ментальных структур, поэтому вне зависимости от того, каких религиозных взглядов придерживается человек, если он социализирован в рамках российской культуры, у него будет складываться традиционный образ власти с соответствующими базовыми характеристиками. Любопытно, что концепты православия (в частности, иерархичность), преобразовавшись в культурные практики, повлияли на организационные практики иных религиозных конфессий. Известно, что в России даже муллы и имамы назначались высшей духовной иерархией, что не свойственно традициям других мусульманских народов. Это может служить примером того, что православная культура, с присущими ей традиционными практиками, воздействует на чуждые ей идеологические течения. Поэтому в нынешней России даже атеисты подвержены влиянию существующих культурных практик, которые наработаны в православии.

Сегодняшний термин «разделение властей» стоит в явной смысловой оппозиции к тому единению и согласию (при условии независимости друг от друга), к которому призывает «симфония». При внешнем сходстве процедур российский парламент в корне отличался от западного образца, так как изначально мыслился как вариация русского собора. В обязанность парламенту было вменено обеспечение единства власти и народа. Представители российского парламента рассматривались как советники и помощники царской власти по аналогии с ранее выполнявшими эту роль представителями церкви. Если для западного образа власти характерно представление о парламенте как об оппозиции государственной власти в рамках теории «разделения властей», то для России отправным пунктом служила аксиома о согласии и единении властей в соответствии с теорией «симфонии властей», о сотрудничестве между ними во имя общей цели. Возложенная на парламент законодательная роль только усиливала сходство с прежним партнером и советником государства, которым до определенного

времени была церковь, выступавшая на Руси неформально как законодательный орган власти. В результате роль российского парламента оказалась прямо противоположной роли западного парламента. По словам В. Ключевского, он должен был служить для укрепления, а не для ограничения власти в отличие от функции парламента на Западе. Парламент в России воспринимается определенной технологией решения обществом своих проблем в период кризиса, а в период стабилизации — лишним, ненужным органом власти. Кстати, и выборы в традиционном для России образе власти — это явление кризисное. Выборность оценивается как «показатель смуты» (термин И. И. Глебовой). Да и вообще, в традиционной для России концепции образа власти содержится основа для легитимации лишь наследственной, а не выборной власти. А за неимением наследников вполне легитимным (как показывают опросы) для российского общества является назначение преемников. Именно высшее лицо государства представляет интересы всего общества, всех групп населения, а не выборные органы (это убеждение разделяют россияне и сегодня). Как раз неограниченное доверие к высшему лицу государства позволило в свое время Петру I протащить в русское политическое сознание свойственный протестантизму взгляд на церковь как на государственную сферу деятельности, игнорируя антиномическую полярность церкви и государства. Симфония властей стала невозможна ввиду тотального подчинения монарху всех публичных функций, в том числе и религиозной; правотворчество для церкви было закрыто. Тогда была заложена, по мнению историка А. В. Карташева, европейская модель власти абсолютного монарха, основанная на идее естественного права (самовластный абсолютизм противоречит православной «симфонии»). Многие историки сходятся в том, что петровские реформы со временем привели к Октябрьской революции, поскольку «царство правды» имело место в ментальных структурах, но не находило выхода в искаженном образе власти.

Базовые аспекты образа власти упорно проступали во властных отношениях общества «развитого социализма». Модель православного «царства правды» преобразовалась в модель справедливого коммунистического общества, что свидетельствует об устойчивости стереотипов национального самосознания по отношению к власти и обустройству общества. Коммунистическая идея в силу своего соответствия традиционному образу власти легко была усвоена русской почвой и не вызывала таких фундаментальных противоречий, как идущая ей на смену либеральная идея, несущая в массы индивидуализированную идеологию успеха, в которой имманентно заключены предпосылки раскола общества (на бедных и богатых, на своих и чужих, сторонников различных партий и т. п.).

Поэтому западная идеология, закрепившись в российской Конституции, столкнулась с непредвиденными трудностями при попытке воплощения в жизнь. Как птица Феникс из пепла, вновь стал возрождаться традиционный образ власти, основанный на православии, поскольку оно за тысячелетие ничуть не изменилось («ортодокс»). «Закон социальной регенерации» (понятие, введенное в научный оборот общественных наук А. А. Зиновьевым) в общих чертах описывает восстановление социальной организации при искусственном её разрушении в том случае, если сохраняется привычный образ жизни достаточно большой части населения. Тогда включается в работу некий механизм, который формирует

и воспроизводит отношение к власти в социуме. Моя докторская диссертация так и называется: «Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе».

Моей задачей было доказать, что отношение к власти формируется и воспроизводится посредством социокультурного механизма, который позволяет сохранять и поддерживать специфику образа власти, характерную для конкретной культуры. В своей работе я ввела понятие базовых и конъюнктурных аспектов образа власти. Базовые — это представление о власти вообще, а конъюнктурные — это оценка реальных действий конкретной власти. Как правило, в СМИ и в политических дебатах обсуждаются и анализируются конъюнктурные аспекты. Предполагается, что чем больше хороших дел сделал правитель, тем больше ему доверяет народ. Ан нет... В первую очередь правитель должен соответствовать базовым аспектам — тогда народ готов потерпеть, если что не так. Между тем, базовые аспекты не вербализируются, люди просто считают, что власть должна быть такой и точка. К базовым аспектам образа власти относится не только представление о структуре власти, но и представление о государстве, об источнике власти, векторе власти, о смене власти, представление о правах и обязанностях, отношение к законам и прочие нюансы, которые я разбираю в диссертации. У российской и западной модели образа власти они явно противоположные. Так вот, самое главное: мое социологическое исследование показало, что в ментальных структурах россиян преобладают традиционные аспекты над западными в примерном соотношении 70% к 30%. Это предопределяет вектор социально-политических изменений в российском обществе. Чем больше власть будет соответствовать традиционным аспектам, тем большее доверие она вызовет у 70% россиян. Олимпиада в Сочи, присоединение Крыма — конъюнктурные аспекты, они способны поднять рейтинг власти до 85–90%, но это временное явление. А вот 70% — это относительно постоянное явление (ментальные структуры менее подвижны), хотя конъюнктура способна временно понизить и этот показатель. Но в ближайшие годы либералы не наберут в России более 30% голосов (правда, в Москве и Санкт-Петербурге этот показатель может быть немного выше — Навальный набрал 32% в качестве кандидата на пост мэра Москвы).

Вот и получилось, если изложить вкратце основные выводы моей диссертационной работы, что образ власти является хотя и латентной, но реально действующей силой, задающей вектор социально-политических изменений в обществе. Он воспроизводится из поколения в поколение посредством социокультурного механизма. Этот механизм включает базовые и конъюнктурные аспекты образа власти. Базовые аспекты более значимы в формировании отношения к власти, чем конъюнктурные, поскольку более инертны и латентны (политик не обращает на них внимания и делает ошибки). Конституция 1993 года принималась без учета базовых аспектов традиционной российской модели образа власти, которая была сформирована на основе православия. В действующую Конституцию РФ заложены аспекты западной модели образа власти, сформированные в лоне протестантизма, которые противоположны традиционным российским аспектам. Как говорится, бумага все стерпит, но реальная попытка их воплощения включила действие социокультурного механизма, который является своеобразной иммунной системой общества, поддерживающей равновесие и восстанавливающей разрушенные формы общественно-политического устройства в соответствии с базовыми аспектами

образа власти. Работа иммунной системы есть признак жизнеспособности любого организма, и российское общество засвидетельствовало, что ещё не утратило своей жизнеспособности. Преобладание традиционных аспектов в базовом образе власти предопределило на ближайшие годы характер политических предпочтений россиян.

Мой научный консультант доктор социологических наук, проф. ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки РФ Владимир Ильич Чупров поначалу пытался отговорить меня от обращения к теме, которая так или иначе связана с религией, поскольку это «включает» эмоции представителей различных конфессий. Но когда работа мной была написана, она убедила его, что религия — это ключ к объяснению многих социально-политических процессов, вне её невозможно понять многие феномены российской жизни. Я бесконечно благодарна ему за толерантность в отношении к выбранной мною теме, поскольку мы не совпадали в мировоззренческих установках. Он помог мне правильно оформить работу, и я защищала её в Московском гуманитарном университете 12 мая 2010 года. Одним из официальных оппонентов был директор Института социологии РАН Михаил Константинович Горшков, который написал весьма лестный для меня отзыв о работе и выступил на защите с яркой речью. При голосовании не было «черных шаров», защита прошла успешно.

С В. И. Чупровым нас связывает долголетнее сотрудничество: мы периодически проводим мониторинговые всероссийские исследования по тематике грантов, которые он получает (с периодичностью один раз в три-четыре года). После защиты моей диссертации он загорелся идеей пропустить через призму православной российской культуры и западного мировоззрения не только отношение к власти в России, но и отношение к образованию, к труду, к семье, к друзьям и проч. межличностные отношения. Он попросил меня концептуально сравнить воззрения православия и протестантизма на эти аспекты, и я провела такой экскурс в историю, на основе чего мы сделали инструментарий и осенью 2011 года опросили 1300 россиян по репрезентативной выборке. По итогам этого исследования в начале 2014 года вышла книга «Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства» (авторы: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. — М.: Норма, 2014. — 450 с.). А осенью текущего (2014 года) мы будем проводить очередное исследование по этой же анкете, чтобы обнаружить изменения, если они появились за истекшие три года. Мне лично очень интересно узнать, что получится. А Юлия Альбертовна Зубок (третий соавтор в нашей научной команде — д. социол.н, проф. ИСПИ) договорилась с зарубежными коллегами о том, чтобы по идентичной анкете это исследование было проведено в одной из европейских стран. Было бы очень любопытно сравнить ответы россиян и иностранных коллег, по итогам этих исследований нами уже задумана следующая книга. Так идея моей докторской диссертации продолжает жить и развиваться в столь ветвистых направлениях, о которых мне даже и не мечталось.

Нелли, если можно, расскажите о Вашей преподавательской деятельности, Вам есть, о чем рассказывать студентам...

Преподавать я начала недавно — с 2011 года, если не считать тех единичных случаев, когда Сергей Романович Хайкин давал нам, своим сотрудникам, в 90-е годы возможность замещать его на лекциях в Сельско-хозяйственном

институте. Тогда мы делились со студентами опытом проведения социологических исследований, о которых учащиеся не имели ещё даже приблизительного представления. Теперь же трудно найти студента, который не знает, что такое социология. Но преподавать в 2011 году я начала вовсе не социологию. Случилось это так. В сентябре 2010 года мне позвонили из воронежского филиала одного из московских вузов и спросили, не имею ли я ничего против того, чтобы они включили меня в списки потенциальных преподавателей для согласования с Москвой. Я не была против и спросила, что от меня требуется. «Ничего, кроме Вашего согласия», — последовал ответ. Я согласилась и благополучно забыла об этом, так как в течение года они ко мне больше не обращались. Ровно через год мне от них позвонили, и состоялся такой разговор:

— Хотим Вам сообщить, что через две недели у Вас начинается курс лекций. Аудитория №..., часы занятий...

— Вы хотите сказать, что я у Вас работаю преподавателем?!

— Ну да, мы же Вам в прошлом году звонили...

— Звонили... А что мне нужно преподавать: вводный курс социологии, методы социологических исследований или историю социологии?

— Нет, социологию Вы вообще преподавать не будете... Вы будете преподавать новый курс: «Основы социального государства».

— ???

— Да Вы не беспокойтесь, это новый предмет, поэтому не только Вы, но и никто не знает, как его преподавать... Учите студентов тому, чему считаете нужным...

Что мне было делать? Благо оставалось две недели, а не два дня до начала моего нового курса лекций, и я в ближайшие выходные ринулась в Москву и засела на весь день в магазине «Библиоглобус» в поисках необходимого материала. Составлять учебный курс по ссылкам из Интернета мне не хотелось, потому что Интернет сегодня доступен любому студенту, а мне хотелось добыть то знание, которое ещё не стало расхожим. Поэтому я обратилась к свежим монографиям, диссертационным исследованиям, искала статьи на заданную тему... В общем, спустя две недели, я уже начала читать новый курс. Наслушавшись рассказов о том, какая у нас сегодня ленивая и циничная молодежь, я была приятно удивлена, когда на мои вопросы, обращенные к аудитории, по школьному дружно взметался вверх лес рук, когда студенты в своих докладах пытались спорить с авторитетами, когда сами подходили ко мне с вопросами о сущности «плана Бевереджа» (Великобритания) или о социальных реформах в Западной Германии Людвига Эрхарда. Поскольку мои студенты — будущие чиновники, я обычно начинала свое занятие с предложения: «Давайте проверим, насколько вы близки к народу». Имея на руках данные свежих опросов по городу Воронежу, я предлагала им угадать, сколько процентов поддержки получила та или иная альтернатива ответа. Таким образом я знакомила будущих госслужащих с нюансами общественного мнения. Спустя год (в 2012 году) мне предложили присоединить к «Основам социального государства» курс «Социология», и я стала преподавать сразу два предмета. Когда начались экзамены по социологии (студентам нужно было отвечать на тесты в режиме online), я поняла, что даже отличные оценки по тестированию не гарантируют этим студентам прием на работу в такую организацию, как наша (ИОМ «Квалитас»). Требуемый министерством образова-

ния и отраженный в тестах объем знаний лишь по минимуму включал в себя теорию, методологию и методы социологических исследований. Для успешной работы социологом сегодня необходимо дополнительное образование даже студентам-отличникам. Спрашивается: почему бы не заложить нужное знание уже в процессе обучения, освободившись от некоторых устаревших положений, утративших свою актуальность?! Оказалось, что я не одинока в своей оценке программы курса «Социология», спущенной сверху. Это мнение разделяют не только руководители других региональных социологических центров, которым довелось преподавать социологию в вузах (Екатеринбург, Самара, Казань, Ростов-на Дону и др.), но и московские преподаватели (Высшая школа экономики). Мы решили объединить свои усилия в разработке нового профессионального стандарта для специальности «социолог».

Теперь мне осталось узнать у Вас о планах во всех Ваших делах: полстерских, исследовательских и преподавательских.

Полстерские планы: продолжать заниматься любимым делом — социологическими исследованиями, что позволяет «держать руку на пульсе» общества и предотвращать опасность безоглядного увлечения какими бы то ни было схоластическими теориями в социологии (даже очень симпатичными). Полстерство дает возможность теоретику не выпадать из социальной реальности, ликвидирует разрыв между теорией и практикой, вырабатывает некоторый инстинкт понимания своего народа, который не всегда вербализуется, но всегда имеется. Поэтому реакция общественного мнения на те или иные вызовы времени уже представляется логичной, даже если она расходится с мнением собственным. Вообще, с моей точки зрения, социолог-не-полстер — не вполне социолог. Он может быть назван социальным философом, социальным психологом — кем угодно, но не социологом. Исследователь общественного мнения (в том числе и в качестве интервьюера) — это одна из компетенций профессии «социолог». Иначе объект его исследований — чужие мысли о социальной реальности, а не сама социальная реальность.

Исследовательские планы: исследовать общественное мнение не только в региональном, но и во всероссийском масштабе. Продолжать разрабатывать заявленную в докторской диссертации теорию социокультурного механизма, отталкиваясь от реакции российской социальной реальности на вызовы времени. Точка бифуркации, в которой сегодня находится Россия, обнажает составляющие этого механизма, скрытые в эпоху относительной стабильности. Хотелось бы изучить действие составляющих социокультурного механизма в западных странах, чтобы провести соответствующие параллели. И ещё: более детально проработать систему передачи последующим поколениям образа власти и других аксиологических представлений, которые составляют сущность культуры и отличают один народ от другого. Построить универсальную модель условий их актуализации (воспроизведения).

Преподавательские планы: изменить сегодняшнюю программу подготовки социологов в российских вузах. С этой целью в рамках Ассоциации региональных исследовательских центров «Группа 7/89» создана рабочая группа, в задачи которой входит исследование требований к должности социолога в социологических центрах, разбросанных по городам и весям нашей страны, обобщение этих

требований на основании реальной (полученной с поля) картины и разработка нового профессионального стандарта, который мы собираемся предъявить на рассмотрение Министерству образования. Буквально вчера была закончена доработка анкеты, с помощью которой «Группа 7/89» будет проводить опрос в исследовательских социологических центрах. Не исключено, что завтра уже начнется опрос среди наших коллег на эту тему.